

ДЕНЬ
КОРОНАЦИИ

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ОЛЕГ ДИВОВ • РОМАН ЗЛОТНИКОВ • ДМИТРИЙ
ВОЛОДИХИН • ЭДУАРД ГЕВОРКЯН
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ • ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

Русская фантастика (Эксмо)

Олег ДИВОВ

День коронации (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

Дивов О. И.

День коронации (сборник) / О. И. Дивов — «Эксмо»,
2018 — (Русская фантастика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-096787-2

Мечтаете о возрождении Российской империи? Тогда эта книга для вас! Империя, то есть порядок, честь, сила, вера, динамичное развитие и процветание, – всё это обязательно будет. На Земле и на просторах Галактики. Но чтобы величественная Российская империя 2.0 стала реальностью, для начала требуется восстановить монархию. Кто же станет кандидатом? Из какой среды, по каким критериям отбирать достойных российского престола? Разумеется, жестокий и расчетливый враг постарается не допустить этого. Грядут заговоры, диверсии, покушения на претендентов, битвы в киберпейсе, интриги спецслужб. Кровь прольется у ступеней храма. Но день коронации обязательно состоится. Император идет к нам!..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

ISBN 978-5-04-096787-2

© Дивов О. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Татьяна Беспалова	6
Далия Трускиновская, Дмитрий Федотов	16
Олег Дивов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	55

День коронации

сост. Д. Володихин, С. Чекмаев

Серия «Русская фантастика» основана в 2003 году

© Беспалова Т., Ветлугина А., Володихин Д., Гаврилин П., Геворкян Э., Дивов О., Елисеев Г., Злотников Р., Иртенина Н., Казаков Д., Максименко Д., Прососов И., Сизарев С., Трускиновская Д., Федорчук Е., Федотов Д., 2018

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Экс-мо»», 2018

* * *

Татьяна Беспалова Тойон

Я не молод и многих людей повидал за свою жизнь. И много мест. Таких, как я, не очень-то пускают за кремлевскую стену. Однако площадь перед Архангельским собором я видел не раз.

Но здесь, на краю света, я впервые.

Край света не линия и не возведенная человеком стена. Край света – обширная плоскость, именуемая людьми тундрой. Теперь лето, и на краю света очень душно. Меня донимают кусачие насекомые. Лапы колет жесткая трава. Даже сейчас, в разгар северного лета, она имеет желтовато-бурый оттенок.

Но Государыне все нипочем. Впрочем, она-то обута в новенькие, на толстой литой подошве сапожки, а я в любую погоду хожу босиком. Девушка бежит, не зная усталости. Очень хочется ей поскорее увидеть Ледовитый океан.

Я слышал разговоры людей. Они утверждают, будто край покрытой жесткой травой плоскости обрывается в океан. Мы уже видели здешний берег через стекло иллюминатора. Ничего особенного, доложу я вам. Свинцовая равнина, тут и там исчерканная белыми крапинами пены. Сероватые лоскуты льдин местами сбиваются в обширные поля. Берег представляет собой гряду невысоких скал, удерживающих на своих плечах это вот пустынное плато, по которому мы идем. Скучный пейзаж немного оживляют запахи дичи, но из меня охотник никудышный. У меня иная служба. А вот Государыня нигде не заскучает. Даже под этим неприветливым небом ей весело.

Государь, Государыня, Хозяин, Пастырь и Охотник шагают прямехонько на диск низко зависшего над горизонтом солнца. Государыня, конечно же, впереди всех. Ее светлые волосы выбились из-под платка. Она распахнула полы куртки – на берегу холодного океана в разгар лета довольно тепло, хотя ветер, задувающий с океана, напитан ледяным холодом. Государь немного отстал. Он внимательно рассматривает бурую растительность у себя под ногами – ищет ископаемые кости невообразимой древности. Охотник пообещал ему непременно и богатые находки. Хозяин и Пастырь замыкают шествие. Оба не молоды, но Хозяин выносливей, и он поддерживает Пастыря под локоть. Свиты нет. На бескрайней плоскости желтого плато лишь пятеро людей и четыре собаки. В этих пустынных местах по-настоящему опасной может быть только суровая природа.

Океана все еще не видно, но я чую его соленый дух, но я уже слышу, как подтаявшие по летнему времени льды ворошат прибрежную гальку своими животами. Государыне хочется непременно первой добраться до края земли, а я почтительно поспешаю следом, стараясь, по смиренной старости своей, не слишком отставать от юной женщины. Муж Государыни черноглаз и темноволос, горделивый красавец. Он совсем ничего не боится. Государь, как и его жена, совсем молод. В такую пору жизнь видится вечным праздником. Государь еще не изведал страха преждевременных утрат, а потому и не боится потерять свою Государыню. Впрочем, юная царица в надежных руках. Человек из племени саха, Охотник, оберегает ее. Наверное, он даже чуточку влюблен в нашу Ксению. Влюблен ровно настолько, насколько это может позволить себе почтительный верноподданный. Да и меня рано сбрасывать со счетов.

Охотника зовут Герасим. Странное имечко для такого человека. С его плоского, обветренного, обрамленного жесткими, как проволока, волосами лица никогда не сходит улыбка. Он не стар и не молод. Он пахнет вечной зимой, жиром морских чудищ и миром. Он знает каждую кочку и каждую ямку на этой бескрайней плоскости. Он вооружен длинным шестом с острым металлическим наконечником. Герасим наобещал молодым супругам с три короба, а

именно показать ископаемое чудовище. Помимо холодного океана этот труп или скелет является целью нашей продолжительной прогулки. Хозяин и, особенно, Пастырь не очень-то верят в существование ископаемого чуда. Но я-то знаю, оно действительно существует. Я чую едва уловимый запах существа, которое при жизни никого не боялось. Наверное, оно было огромным, очень сильным и совсем не злым. Останки давно умершего чудовища покоятся возле самой воды, и Охотник ведет нашу небольшую делегацию прямо к ним. Скорее всего, это просто кости, на которых нет ни мяса, ни шкуры, но для Охотника они представляют особенную ценность. Еще не добыв, он уже гордится этими костями. Я давно живу на свете и успел удостовериться в том, что у человека не такое чутье, как у собаки, даже если этот человек хороший охотник. Почему же наш Герасим так уверен в себе? Не он ли сам спрятал кости на берегу холодного океана?

Собаки Герасима выносливы и чрезвычайно дисциплинированы. Ни одна из трех остроухих сук пока так и не решилась приблизиться ко мне, хотя самая молодая и легкомысленная из них задорно скалила зубы и сворачивала тело в крендель – заигрывала. Мой Хозяин любит собак и при первом знакомстве с Герасимом каждую из его сук дружески потрепал по голове. При этом моя глотка издала сдавленный рык. Что поделаешь! Темперамент. Ревность. Это сильнее меня. Долгое, бесконечно долгое по собачьим меркам время половина мира принадлежала моему Хозяину, но сам Хозяин может принадлежать лишь мне одному.

Герасим знает толк в собаках, его суки породисты и ухожены. А меня он похвалил:

– Хороший у вас пес. Окрас соль с перцем. Морда седая. Сколько ему лет? Почтенный возраст для такой крупной собаки. Только имя у него неподходящее. Я назвал бы вашего пса Тойоном. Он такой солидный и выдержанный. И еще. Я думаю, ваш пес лидер, вожак по натуре. Видите, как мои псицы отнеслись к нему? Уважают!

Герасим – смелый человек. Сказать такое Хозяину! Я живу с хозяином бок о бок второй десяток лет. Для пса я действительно очень стар, но именем моим мы оба всегда были довольны.

Мы достигли кромки обрыва, когда солнце поднялось в зенит. Стало жарко. Государыня, скинув куртку на руки Хозяину, устремила по каменистой стежке вниз, к урезу воды. Я посмотрел на Хозяина.

– Иди за Ксенией, – сказал тот, и я начал спуск следом за Государыней.

Разве это тропа? Одно название! Мой путь усеян обломками прибрежных скал, острыми и мелкими. Камешки осыпаются из-под моих лап. Я часто оскальзываюсь, но мне удается сохранять равновесие. Суки Охотника крадутся следом. Эти двигаются бесшумно. Они молоды и сноровисты, а я стар и неповоротлив. Острые грани скальных осколков колют подушки моих лап. Одна из сук Герасима подобралась ко мне слишком уж близко. Молниеносный выпад, рык. Но медлительные мои челюсти ухватили лишь прохладный ветер. Юная нахалка успела увернуться. Пронзительно визжа, она прыгнула в сторону. Притвора! Мне же не удалось выдернуть из ее шкуры ни шерстинки. Государыня хохочет и требует своего. Ей подавай кости умершего в незапамятные времена чудовища. Она уже стоит у подножия обрыва. Холодная вода плещется у самых ее ног. Охотник тоже на пляже, но он слишком беспечен. Его сейчас больше волнуют древние кости, чем Государыня всяя Руси, а это неправильно!

Я спускаюсь на пляж и неторопливо бреду вдоль кромки прибоя. Теперь Государыня совсем близко. Запрокинув голову, она рассматривает обрывистый берег. Ротик ее приоткрыт, щеки зарумянились, светлые волосы растрепались. Она очень красива и, похоже, в восхищении от серых скал. Старому псу нипочем не понять юную женщину. Что может быть привлекательного в безжизненных скалах, на которых не растет ни травинки? Ветер весело задувает с океана, и запах древних костей почти совсем потерялся в его соленой круговерти. Мои глаза слезятся. Собаки Охотника тоже спустились на пляж и теперь весело плещутся в ледяной воде.

Вольно же им! Их шкуры так крепки, что не сразу намокнут в воде. А мне-то, старому, каково? Эх, не намочить бы лап! Для меня главное – следовать за Государыней. Пришлось перейти на рысь. Бег по скользкой гальке – не простое занятие. Тут нельзя и увлечься. Я стараюсь держаться на почтительном расстоянии. Не подумала бы Государыня ненароком, будто я считаю ее слабой и неразумной! Охотник же, напротив, скачет вокруг нее, то опережая, то отставая на пару шагов. Время от времени он порывается подхватить Государыню под локоть, но рокот, издаваемый моей глоткой, внятен ему даже за воем ветра и плеском волн. Герасим так же ловок, как его суки. Преисполненный собственной значимости, он ведет Государыню в то место, где и без того узкую полосу пляжа прибой излизал почти дочиства и холодные волны добегают до самого подножия утесов. Ему не нужно пользоваться обонянием. Он точно знает, где находятся древние кости. Теперь я уверен: Герасим сам их там и спрятал!

– Вот они! – Герасим старается перекричать ветер и беспорядочно машет руками.

– Я вижу! Вижу! – отвечает Государыня. – Какие они огромные!

Глаза мои слезятся от ветра. Я трясусь головой и, наконец, вижу огромный череп, пустые, округлые глазницы и гигантские клыки. Серая скала кажется очень твердой. Как же древнее чудище сумело пробить ее?

– Это мамонт! Действительно мамонт! Он похож на барельефы дворца Уффици! – кричит Государыня. Она запрокидывает голову, щурится. Глаза старого пса намного слабей ясных очей юной женщины, но узкая фигура Государя, то появляющаяся, то исчезающая за урезом обрыва, видна и мне.

– Всеволод, я вижу мамонта! – кричит Государыня. – Иди к нам! Он здесь! Ах, бивни-то какие огромные!

О, да! Клыки древнего чудовища действительно впечатляют! Изогнутые, заостренные на концах, они выступают из серой толщи скалы так, словно древнее чудище в непреклонном стремлении выбраться под открытое небо проткнуло ими камень, да так и умерло.

– Здесь надо будет хорошенько поработать сначала кирками, а потом и зубилом, – объясняет Герасим. – Можно попытаться извлечь весь скелет, но особую ценность представляют именно бивни.

Я вздыхаю с облегчением. Нет, Охотник не обманщик. Он никак не смог бы нарочно замуровать скелет древнего Чуда-Юда в этой скале. Когда-то, может быть очень давно, оно само умерло здесь.

Государыня поражена. Широко распахнув глаза, она рассматривает торчащие из утеса кости. Герасим путано объясняет ей особенности летнего таяния верхнего слоя вечной мерзлоты. Государыня слушает, а ледяной прибой все ближе подбирается к ее ногам. Холодный океан обманчиво ленив. Прибой, шелестя серой галькой, все ближе подбирается к ее сапогам. Еще миг – и ледяная вода захлестнет обувь Государыни, и тогда... Я приближаюсь и толкаю Государыню боком. Она делает пару неосторожных шагов к подножию обрыва. Ледяное одеяло прибоя следует за ней. Я шлепаю по воде. Принохиваюсь. Вода действительно очень холодная. И соленая. Чтобы удостовериться в этом, мне – старому псу – пришлось ее несколько раз лизнуть. Я лизал воду украдкой, опасаясь насмешек Хозяина. Тот считает, что я любопытен, как щенок. А я-то просто осмотрителен, потому что сейчас, прохладным июлем 2025 года, здесь, на берегу Ледовитого океана, я отвечаю за безопасность Государыни.

– Для того чтобы извлечь кости, нам потребуется пара дней, – объясняет Герасим. – Надо действовать осторожно. Бивень может оказаться ценным экспонатом.

Герасим начинает бить по каменистому склону наконечником своего «копья». Каменные осколки летят в разные стороны. Один из них – крупный осколок с острыми краями – чиркает по рукаву Государыни. Я рычу уже в полный голос.

– Ксения! – слышу я крик. – Ксения!

Это Государь спешит к нам. Он, поминутно оскальзываясь, сбегает по узкой стежке, и вот Государыня уже в его объятиях. Она смеется, а Ледовитый океан, словно приветствуя их, выбрасывает на берег пенистую волну. Меня окатывает ледяной водой. Сразу становится очень холодно. Я слепну и глухну. Лапы сводит болезненная судорога. Волна, безжалостная и жадная, тянет меня за собой, прочь от берега. Я барахтаюсь, загребая лапами, и уж не чувствую под собой твердой опоры. В этот момент крепкие руки подхватывают меня.

– Я поймал! Поймал его! – кричит Герасим.

Волна откатывает от берега, и я вижу взволнованное лицо Государя.

– Ну что же ты, старина! – говорит он. – Надо осторожней.

Оба, Герасим и Государь, одеты в высокие сапоги, непромокаемые штаны и куртки. Ледяные капли скатываются с их одежды. Зато я вымок основательно. В пасти солоно. В ушах звенит прибор.

Когда-то, не так уж давно, мне доводилось купаться в ледяной воде. Это случилось пару лет назад, а значит, я был чуточку моложе. Тогда Всеволод и Ксения – еще жених и невеста – непрерывно путешествовали. Будущие венценосцы навещали даже самые отдаленные и уединенные уголки своего царства, сопровождаемые многочисленной и не вполне лояльной свитой. Свита Государей – это часть стаи, членом которой являюсь и я, старый пес.

Собачья стая есть семья в безусловном подчинении у вожака. Для вожака главное – его стая. Интересы стаи в целом важнее, чем интересы любого из ее членов. Только при этих условиях стая может долго сохранять целостность и благополучие каждого своего члена. У людей все сложнее. Многих вещей я просто не понимаю. Почему, если видишь перед собой врага, просто не вцепиться ему в глотку и не размыкать челюстей, пока враг не ослабеет? Почему нельзя сообща догрызть поверженного врага, если заведомо ясно, что, едва окрепнув, он снова навредит? Вокруг сплоченной стаи всегда вертятся одиночки-падальщики. Хозяин считает, что таких надо или привлекать в стаю, давая каждому соответствующее место в ней, или вовремя отогнать.

Без стаи псу не жить. Отбейся от стаи, и ты уже мертвец – без поддержки сородичей падальщики, объединившись на время, порвут твою шкуру в клочья. Падальщики-одиночки – самые лютые из врагов.

Но член твоей стаи не может быть одновременно и твоим врагом. Если уж примкнул к стае, подчиняйся ее вожаку или вызови его на честный бой. У людей же в ходу поединки без правил. Я понимал тогда лишь одно: мой Хозяин решил строить новую стаю по образу давно умершей человеческой империи. Мои уши часто слышали слова «империя», «император», «царь». Потом появились оба разом Ксения и Всеволод – молодые и отважные. Хозяин возлагал свои самые большие надежды именно на них. Им Хозяин доверял, и потому я полюбил их. «Я ваш лучший друг, доверьтесь мне» – так говорили им многие. «У вас много врагов, остерегайтесь их» – так часто говорил им Хозяин. Пока он оставался главой стаи, падальщики лишь показывали клыки, но нападать опасались. Лишь кружили неподалеку в надежде на добычу. Они ждали, что стая вот-вот развалится, разбежится на стороны, и тогда каждый из них сможет урвать свой кусок мертвечины. Хозяину удалось сохранить целостность стаи. Его волю приняли и подчинились некоторые из падальщиков, сделали вид, что согласны, а Хозяин сделал вид, будто верит им. Люди называют это гражданским согласием. Хозяин говорил, что гражданское согласие – это трудная работа. Я всегда согласен с Хозяином, но в этом случае в моем согласии есть крошечное пятнышко неповиновения. Если ты занимаешь правильное место в стае, то твоя работа не может быть тяжелой. Я – пес. Моя работа – следовать за Хозяином, служить ему и разделять его взгляды на мир. Я умею делать свою работу, и потому мне живется легко.

В тот год, когда гражданское согласие, наконец, было достигнуто, будущие государи Всеволод и Ксения совершали поездку по своей империи, самое пристальное внимание уделяя ее отдаленным уголкам. Купание в ледяной воде произошло на третьей неделе нашей поездки, на одной из переправ через сонную речку в Республике Коми. В тех далеких краях дорог почти нет. В холодное время года местные жители катаются по зимникам, ну а летом – кому как придется: посуху на вездеходах, по воде, на вертолетах.

Вертолеты эскорта будущих венценосцев приземлились на берегу тихой северной речки в самом начале лета. Машины сели на вновь отстроенный военный аэродром. Целью путешествия юных супругов, претендентов на имперскую корону, являлся небольшой, затерянный в лесотундре городок, населенный горняками и военными. Городок, расположенный на неудобных склонах лесистых сопок, и аэродром разделяла северная речка, тихая, широкая и холодная. Речку дважды в час пересекал медлительный паром.

Люди часто кланяются, улыбаются друг другу, пряча под шкурой злые чувства. Собака всегда искренна: и виляя хвостом, и скаля зубы. Собака вцепится в глотку только за дело. Собака последует за другом даже в том случае, если тому нечем ее накормить. Люди устроены сложнее. Они властолюбивы, корыстны, скрытны. Мой Хозяин всегда считался большим мастером разоблачения. Он располагал самым широким ассортиментом инструментов и навыков, необходимых для раскрытия тайных и недобрых замыслов. У меня же в наличии имеется один лишь инструмент – мой собственный, но весьма чуткий нос. Вот и в тот день я почувал неладное, как только автомобили будущих венценосцев и их свиты только вкатились на паром. Шумная толпа – разряженные не по погоде женщины и солидные мужчины – взошли на борт пешком, по новеньким, богато и сообразно случаю украшенным сходням. Сам паром – поручни и моторная будка – были так же богато разукрашены флажками с символикой воссозданных и новых дворянских родов, цветными шарами, иллюминацией. Вдоль ограждения палубы располагались накрытые красными скатертями столы с закусками. Я чуял аромат сыров и мяса. Кто-то особенно внимательный к особе моего Хозяина, а значит, и к моей, поставил на краю одного из столов миску с ванильными сухарями. Всем известно, ванильные сухари – мое любимое лакомство.

Но мне в тот день было не до сухарей. Я почувал опасность, едва ступив следом за Хозяином на паром. Вы не знаете, как пахнет опасность? А я знаю! Опасность отвратительно смердит! Поначалу я никак не мог распознать источника запаха. В глазах рябило от трепетания разноцветных флажков. Ароматы парфюмерии мешались с запахами хорошо выделанной кожи. Вонь перегоревшей соляры, автомобильных покрышек и несвежей речной рыбы смешивалась с запахами хорошей еды. Однако эта головкружительная смесь не могла заглушить запаха заговора, опасности, смерти.

Паром уже отвалил от берега и плавно двигался от одного бакена к другому, держа курс на противоположный берег, где его встречала яркая и многолюдная толпа. Судно двигалось в шлейфе ароматов. Автомобили были припаркованы в середине палубы. Публика теснилась к бортам парома. Здесь были Хозяин и Пастырь, родители Всеволода и Ксении, их родственники и друзья. Среди прочих были и официальные лица. Некоторым из них Хозяин доверял. Иные, формально примкнув к стае, сохранили прежние повадки падальщиков-одиночек. В целом публика казалась беспечной. Из динамиков, размещенных на моторной будке, слышались звуки старинного, бравурного марша. Хозяин сразу увлекся разговором с одним из своих приближенных – человеком коварным и опасным. Может быть, именно из-за того, что человек этот часто и втайне препятствовал осуществлению планов моего Хозяина, тот не отпускал его далеко от себя. А я дал ему прозвище Тайный враг и всегда старался занять позицию между ним и Хозяином. Утробный рык и вздыбленная шерсть всегда действовали на Тайного врага отрезвляюще. Люди редко дарят друг друга искренностью, и моя ненависть к Тайному врагу многим казалась всего лишь чудачеством стареющего пса. Все утро того памятного дня, во

время перелета и на пароме, Хозяин и Тайный враг были неразлучны. Тайный враг сторонился меня, а его слуги при моем приближении сильно нервничали. Тогда Хозяин попросил меня удалиться, и я пошел бродить среди толпы. Чьи-то щедрые руки то и дело подносили к моей морде кусочки различных яств. Но я отказывался. Странное, дурное предчувствие скорой беды дыбило шерсть на моем загривке.

Люди были или слишком заняты друг другом, или фотографировали берега уединенной речки.

Решив воспользоваться общим невниманием, я отправился в обход палубы, тщательно обнюхивая гирлянды флажков, шары, подола дамских нарядов, брюки и обувь мужчин. Я должен был в самый короткий срок отыскать источник ужасного запаха и во что бы то ни стало предупредить Хозяина.

Я так увлекся своими исследованиями, что потерял из вида Хозяина, Всеволода, Ксению, их родителей, всех, кто был хоть сколько-нибудь важен для меня. Существовала только угроза, опасность, которая казалась еще более ужасной на фоне фальшивой безмятежности ясного денька.

Скоро я нашел источник запаха. К моему изумлению, им оказался прекрасный по человеческим меркам, но крайне неудобный и не сообразный случаю наряд одной из женщин. В глотке моей заклокотал глухой рык. Я приготовился вцепиться в подол яркого, блестящего, смердящего ненавистью платья. На один короткий миг меня отвлек резкий звук, но я успокоился, заметив, как горячо любимая мною Ксения, будущая государыня, хлопнула дверцей одной из машин. Зачем-то ей вздумалось забраться в салон автомобиля. Что ж, пускай! В чистом салоне должно пахнуть хорошо выделанной кожей, но не этой сочащейся ненавистью человеческой сукой.

– Ксения в машине, – проговорила дурно пахнущая женщина.

В ее руке блеснул брелок. Ухватить разве руку зубами? Пережевать челюстями запястье, чтобы она выронила брелок? Собачья интуиция подсказывала мне, что именно так следует поступить. Мои намерения отменило появление Хозяина. Родители Ксении и Всеволода, Хозяин, чиновники из его свиты появились из-за кузова ближайшего автомобиля и подошли к увитому гирляндами ограждению палубы. Среди них был и Тайный враг. Запах ненависти усилился, сделавшись почти невыносимым. Женщина с брелоком в руке тоже никуда не делась. Она тискала и мяла свою игрушку. Мне показалось или я действительно услышал, как завелся двигатель одного из автомобилей?

– Посмотрите, господин президент. Что это с псом? Он хвост поджал, дрожит. Боится воды? – проговорил Тайный враг. – Кстати, это моя жена. Вы ведь помните ее?

Дурно пахнущая женщина приблизилась к Хозяину. Тот, продолжая улыбаться, пожал ей руку.

– Помню. Приятно возобновить знакомство.

Я оскалил клыки, потому что на самом деле Хозяину не было приятно, и он хотел бы зарычать, но, повторяю, люди живут по иным законам.

Кто-то прикоснулся к моей голове. Я вздрогнул и отскочил. Да, я слишком увлекся своими изысканиями и не заметил, как Тайный враг подобрался совсем близко ко мне.

– Ваш пес боится воды, – сказала жена Тайного врага.

– Нет, – отозвался Хозяин. – Мой друг никогда раньше воды не боялся.

– Какой милый пес! Что с тобой, дружище? – Женская рука протянулась ко мне, но брелока в ней уже не было.

Дышать сделалось невозможно. Ничего нет отвратительнее запаха ненависти. А тут еще вонь автомобильного выхлопа. Зачем-то понадобилось заводить двигатель автомобиля в то время, когда паром уже достиг середины реки?

– Вода в этом году низкая, – проговорил Тайный враг. – Это очень жаль.

– Зато она холодная, – сказала его жена.

Я фыркнул и навалился всем телом на Хозяина, стараясь отжать его подальше от ограждения палубы.

– Что с тобой? Успокойся, дружище, – проговорил Хозяин, отступая в сторону. – Старейшь? Стал бояться воды? Ничего! Скоро уже...

Хозяин трепал меня по голове, придерживая свободной рукой за ошейник. Я так увлекся общением с ним, что упустил из виду ситуацию и не заметил, как один из автомобилей тронулся с места и покатился к ограждению парома. Зато я ясно видел, как ограждение свалилось в воду за несколько секунд до того, как в него врезался радиатор автомобиля.

– Ксенияяя!!! – закричал истерический фальцет. – Ксенияяя!!!

– Остановите паром!!! – взревел взволнованный баритон.

Хозяин все еще придерживал меня за ошейник, а я, истукан истуканом, смотрел, как прыгает по настилу палубы знакомый брелок. Вот большая нога в тупоносом ботинке ловко подкинула его с явным расчетом сбросить за борт, следом за автомобилем. И тогда я совершил акт неповиновения. Вывернув голову из ошейника, я рванулся к краю палубы. Я летел, расталкивая людей боками. Хозяин звал меня по имени, но в голосе его слышалась безнадежность. Хозяин знал, я прыгну в воду, потому что Ксения уже там.

Прежде чем оттолкнуться всеми четырьмя от палубы, я ухватил зубами тупоносый ботинок. Движение головы и шеи, рывок. Тяжелое и неловкое человеческое тело со стуком валится сначала на палубу. Грубые руки пытаются ухватить меня, но я уворачиваюсь, а тело злоумышленника с глухим плеском валится в воду.

– Аааа! – У дурно пахнущей женщины и голос неприятный. – Мой муж не умеет плавать!

Через мою голову летят спасательные круги. Один, второй, третий. Через минуту на поверхности воды плавает несколько спасательных кругов.

– Прыгай же! Прыгай! – кричит кто-то, и я отталкиваюсь от палубы.

Задача непростая. Мне надо перемахнуть через плавающие на поверхности круги. В одном из них торчит голова Тайного врага. Я подныриваю под него, снова хватаю за ногу, тяну книзу. Тайный враг с воплем выскользывает из круга. Я вижу, как он медленно валится на дно. Глаза его широко распахнуты и пусты. Он больше ничем не пахнет. Хочется выть. Мне тяжело. Мое предназначение – спасать, но не топить людей.

Вода в реке, что бутылочное стекло, – зеленоватая и прозрачная. Прыгая в реку, я видел под собой тонущий автомобиль – никелированный обвес дверей, багажник, мерцающие отраженным светом задние фонари. Белый прямоугольник заднего номерного знака становился все меньше. Я не смог сразу последовать за автомобилем. Моим легким не хватало воздуха, и я всплыл на поверхность, чтобы сделать вдох, а когда снова нырнул, в глазах моих помутилось. Северная речка стиснула тело старого пса в своих холодных объятиях.

Холодная вода не сразу проникла под плотный мех моей шкуры, и потому я еще не успел замерзнуть, когда достиг крыши автомобиля и ударил по ней всеми четырьмя своими лапами. Корпус автомобиля отозвался мне глухими ударами. Я услышал голос Ксении. Она звала свою мать.

Мне пришлось нырнуть еще глубже, чтобы заглянуть в окно автомобиля. Через оконное стекло я увидел испуганное лицо будущей государыни. Та, увидев меня, сначала обрадовалась, а потом испугалась сильнее прежнего, потому что я скреб когтями стекло. Ксения умоляла меня перестать. Она, разумеется, была права. Мои лапы хорошо приспособлены для бега или прыжков, но они далеко не так умелы, как человеческие руки. Я нипочем не смог бы открыть дверцу автомобиля, и разбить стекло я не сумел. Ах, лапы мои, лапы! Они не могут открыть

дверь автомобиля. Они не могут ухватить девчонку и выдернуть ее из холодной мути воды на поверхность, к жизни.

Зеленоватая вода речки наполнилась белесой мутью. Люди прыгали в воду следом за мной. Они желали спасти Ксению или, может быть, кто-то из них хотел довершить причиненное ей зло? В любом случае я был вынужден подняться к поверхности, чтобы подышать.

Вынырнув, я первым делом услышал голос Хозяина. Он звал меня по имени. Но и на этот раз я решил послушаться. Я просто не мог поступить по-другому, ведь под моим брюхом, на илистом дне, запертая в машине, скованная ужасом плакала юная девушка, будущая государыня Российской империи. Сделав несколько глубоких вдохов, я услышал запахи ила и рыбьей чешуи, кожи, машинного масла и множества разных людей. Запахи страхов в самом широком диапазоне – от невнятного волнения до паники. Я слышал запахи решимости, азарта, злобы и холодного, отстраненного любопытства.

Но – и это было главным в тот страшный миг – я слышал запах будущего государя: любовь, и преданность, и решимость, и вера в спасение. Ах, если бы я мог залапать от радости, почуяв этот знакомый запах! Я отчаянно мерз, голос Хозяина все еще звал меня, но вопреки всему я снова нырнул. Вода оказалась совсем мутной, и мне пришлось, не полагаясь на зрение, довериться своей собачьей интуиции. Мои лапы раздвигали мутную воду. Холод уже просачивался сквозь подшерсток к самой коже. Легкие были напряжены до предела, когда через сероватую муть я увидел его. Всеволод уже открыл дверцу автомобиля. Еще несколько отчаянных усилий, и я увидел лицо Ксении. Она размахивала руками, колотила ими своего мужа, будто отбиваясь от него. От ее лица к поверхности воды поднимались крупные пузыри. Ксенией овладела паника.

– Ксенияяя!!! Всеволод!!! – кричали люди где-то наверху.

И еще я слышал голос Хозяина. Он по-прежнему звал меня.

Тогда я крепко ухватил Ксению за куртку чуть повыше локтя правой руки. Ухватил основательно, сомкнув челюсти на плече так, чтобы она, объятая паникой, не смогла вывернуться из одежды. Легкие мои разрывались от напряжения, но я рванул кверху, туда, где сквозь мутную зелень воды брезжил дневной свет. Двигаясь на свет, я чувствовал, как кто-то подталкивает нас обоих снизу. До спасительного воздуха оставалось совсем немного. Толща воды совсем истончилась, когда я увидел протянутые ко мне руки. Несколько пар спасительных рук. На одной из них блеснул знакомый браслет с черным циферблатом. Хозяин! Сначала кто-то рванул кверху мою ношу, но я не смог разомкнуть челюстей и последовал за ней. Потом чья-то крепкая рука ухватила за холку и меня. И вот мы оба на поверхности воды, в надувной лодке. Я дрожу от холода, но я дышу, а Ксения заходится в судорожном кашле.

– Ксения, девочка моя! Ты жива! – причитает ее мать.

А Ксения, согнувшись в три погибели, извергает из себя речную воду. Некрасиво, но полезно. Молодая женщина долго кашляет, но она жива, она дышит. Я отряхиваюсь, орошая сидящих в лодке потоками холодных брызг. Кто-то накрывает меня человеческой одеждой. Это куртка, и она пахнет Хозяином. Кто-то тащит из воды в лодку мокрого и счастливого Всеволода. Будущий государь смеется – он всегда смеется перед лицом опасности, – но зубы его стучат от холода. Мы в безопасности. Мы спасены.

Ксения, отодвинув с лица мокрые волосы, смотрит на меня.

– Посмотрите! Пес улыбается! – говорит она. – Это он спас меня. Он!

– Не дрожи, старина! Сейчас я тебя согрею!

Обхватив поперек туловища руками, государь поднимает меня в воздух. Мне неловко и немного стыдно. Как же так?! Меня, не старого еще пса, несет на руках сам государь. Я стараюсь унять дрожь, но Всеволод чувствует ее через ткань куртки.

– Не дрожи, старина, – повторяет он. – Теперь мой черед, и я буду тебя спасать.

Опушенный мехом капюшон упал мне на нос, и оттого я совсем ничего не вижу. Только слышу, как поскрипывает под ботинками Всеволода прибрежная галька. Вот государь начал подъем в гору. Я пытаюсь вывернуться, но его объятия слишком крепки. Мне не справиться с молодым мужчиной. Может быть, я действительно слишком стар? Ничего! Сейчас государь устанет, и мой позор закончится. Даже такому силачу непросто втащить на крутой склон ношу весом в пятьдесят килограмм. Подъем продолжается. Государь дышит ровно. Я слышу голоса Хозяина и Пастыря. Хозяин смеется, а Пастырь торопит государя:

– Нам надо спешить, Всеволод Петрович! Я начинаю замерзать.

– Я и вас понесу на руках! – смеется Государь.

– Стоит ли? Пожалуй, я потяжелей, чем эта собака.

Наконец подъем закончен. Государь делает несколько шагов по горизонтальной плоскости. Теперь он дышит шумно. Все-таки устал, зато я стою всеми четырьмя лапами на земле. Здесь, наверху, ветер задувает сильнее, но я стряхиваю с себя куртку. Все-таки я не щенок, шкура моя крепка, а под курткой мне теперь слишком жарко. Совсем иное дело государь. Человеческое тело лишено шерсти и легче мерзнет. Сейчас куртка нужнее ему. Я отряхиваюсь, поднимаю хвост, демонстрирую людям свою полную самодостаточность.

Государыня взбирается следом за нами по тропе. Охотник крепко держит ее за руку. Оба улыбаются.

– Эта земля хранит много тайн и богатств. При умелом подходе она их отдаст, – говорит Охотник.

– Как можно извлечь этот скелет?

– Сам по себе скелет не представляет ценности. Мы собираем только бивни. Их используют для изготовления украшений и еще...

Ветер относит их оживленные голоса в море. Остроухие суки Охотника одна за другой выпрыгивают из-за кромки обрыва. Эти вовсе не ведают усталости. Одна из них тут же пускается по следу какой-то мелкой, живущей под желтой травой живности. Остальные рыщут в поисках добычи.

Я наблюдаю, как Хозяин разжигает уголья в посеребренной кадилнице и подает ее в руки Пастырю. Государь достает из рюкзака старенькую Псалтирь, листает страницы.

– В память о наших соотечественниках, пришедших на эту землю! Чин поминовения о православных воинах, – подсказывает Пастырь.

Государь начинает читать. Государыня становится рядом и вторит ему. Их голоса звучат красивым дуэтом. Герасим примолк, склонил голову. Губы его шевелятся. Он повторяет следом за Государем слова молитвы, но совсем беззвучно. Я волнуюсь. Слишком тихая получается у нас молитва. Пространство вокруг огромно и почти совсем пусто, если не считать мелких и бессмысленных грызунов, копошащихся под желтой травой. Суки Герасима слишком увлеклись охотой на них. Я слышу их твяканье в отдалении. Глупые молодухи! Увлечись охотой в такой момент! В глотке моей зреет протяжный, красивый, соразмерный мелодии псалма, звук. Пусть холодный океан услышит и мой голос! Я поднимаю к небу морду и...

– Тише!!! – Хозяин смотрит на меня строго.

Пастырь оборачивается.

– Пусть. Пусть пес подпеваает. Он такая же Божья тварь, как и любой из нас. А может быть, он и ближе к Богу. Кто знает?

Пастырь идет по урезу обрыва. Белую его бороду и лиловые, с золотой отделкой священнические ризы треплет свежий ветер. Выцветшие его глаза слезятся – Пастырь отчаянно мерзнет. Под ризами у него поддет теплый, пахнущий козлятиной жилет, но и он не спасает старика от холода. Пастырь крепится. Машет кадиллом. Цепь гремит.

– Благословляю вас владеть и править этой землей. Благословляю хранить и множить ее богатства, – так говорит Пастырь.

Пахучий дымок лезет мне в ноздри. Не в силах удержать отчаянный чих, я ловлю строгий взгляд Хозяина и укладываюсь на брюхо, приняв самую смиренную позу. Суки Герасима топчутся в отдалении. Свирепые, борзые, слишком юные для настоящего собачьего смирения, они все же не решаются приблизиться к Пастырю. Ветер играет с дымком, относит его подальше в океан.

Странная мысль приходит мне в голову. Что, если я умру прямо здесь, на этой промерзшей земле, и мои кости будут погребены в верхнем, по летнему времени оттаявшем ее слое, а через много человеческих зим и лет меня отыщет какой-нибудь охотник и горделиво покажет их своей спутнице? Пастырь останавливается на краю обрыва. Уголья в кадилнице потухли. Позабыв о холоде и усталости, он смотрит на серые воды Ледовитого океана. Солнце припекает. Белое покрывало облаков повисло на скалах недалежного острова, свежему ветерку никак не удастся сорвать его, и потому над нашими головами ни облачка.

Я приближаюсь к Пастырю и ложусь возле его ног. Мы оба – старики. Тогда почему же он мерзнет, а мне, несмотря на недавнее купание в ледяной воде, жарко?

– Устал, старина? – Пастырь склоняется ко мне лежащему, протягивает руку, треплет шерсть на загривке. – Ты ведь домашняя собака. Не привык к таким экскурсиям?

– Что, жарко тебе, старина? Потерпи! – в тон Пастырю говорит Хозяин.

Кто еще меня пожалеет? Пожалуй, этим кем-то будет сам Государь. Он лезет в карман куртки, достает ванильный сухарь и протягивает мне:

– Хочешь?

Я осторожно беру подарок зубами и сразу проглатываю. Государыня смеется:

– Наш Тойон вполне здоров. Appetit хороший, как всегда.

– У Тойона густой мех, – заверяет ее Герасим. – Он не простудится, и ему не жарко.

Собаки выносливей людей.

– Смотрите! Он улыбается! – кричит Государыня.

Это правда. Я со щенячьего возраста обхожусь без куртки и обуви. Я не простыну, даже оказавшись в ледяной воде. Я – пес. За долгую жизнь я научился смотреть на мир глазами людей. Я улыбаюсь.

Далия Трускиновская, Дмитрий Федотов Заря идет с востока

Они пришли и убили всех. Черные люди с черными автоматами.

В Калужском кадетском корпусе шло необычное утреннее построение – предпраздничное. Все три курса – восемьдесят семь мальчиков тринадцати-семнадцати лет от роду. Почти все преподаватели, офицеры и гражданские. Не было только начальника, потомка знаменитого генерала, прославившегося на Бородинском поле, – его буквально накануне вызвали в столицу.

Роты выстроились по периметру учебного плаца. Миша радостно разглядывал построение, нашел и высокого, вечно серьезного Алешу Романова, и улыбчивого выдумщика Колю Голицына, даже высмотрел на левом фланге щуплую фигурку закадычного друга Володи Бахтеярова.

Осеннее солнце пригревало почти по-летнему. Слушая речь заместителя начальника школы, Миша увлекся наблюдением за стайкой ласточек, весело кувыркавшихся в синеве неба, и поэтому пропустил начало кошмара.

Очнувшись от криков и суеты, поднявшихся на плацу. Кадеты и преподаватели метались по площадке, кто-то сидел, обхватив голову, кто-то лежал ничком. И лишь когда рядом упал, обливаясь кровью, юноша со старшего курса, Миша испугался по-настоящему.

Оглянувшись, он увидел редкую цепочку черных фигур, охвативших полукольцом учебный плац, заметил бледные вспышки выстрелов, похожих на треск далеких кастаньет, и понял, что сейчас умрет. Бежать и прятаться бессмысленно, да и негде. Миша лишь закрыл глаза и остался стоять на месте.

Однако в следующую секунду вместо ожидаемого обжигающего удара пули он почувствовал сильный рывок и хриплый шепот: «Ложись!»

Уже на земле, скосив глаза, Миша встретился взглядом с лежащим рядом молодым преподавателем Закона Божьего и духовником кадетского корпуса, отцом Георгием...

Мария Игнатьевна судорожно вздохнула и посмотрела вниз, на проносящиеся под брюхом «стрекозы» желто-бурые квадраты полей и разноцветные лоскуты перелесков, расчерченные черно-серыми полосами дорог. Ей было страшно. Когда ей позвонил близкий друг, высокопоставленный сотрудник Федеральной службы охраны, и без обиняков сообщил, что на Калужский кадетский корпус готовится вооруженное нападение, Мария Игнатьевна чуть было не решила, что это чей-то дурацкий розыгрыш. Но последние слова друга: «Спасайте Мишу» – будто включили в ней некую программу. Она не ударилась в слезы или истерику, не заламывала руки – нет, вызвала помощницу, сухо приказала немедленно подготовить свой личный вертолет. Пилот, безжалостно выдернутый из-за праздничного стола, явился буквально через час. А еще спустя полчаса Мария Игнатьевна мчалась на юркой «стрекозе» спасать сына.

Эмоции ушли на второй план – обстановка требовала предельной сосредоточенности и быстроты решений. Еще на подлете к Наро-Фоминску пилот сообщил ей, что по каналу МЧС передано предупреждение о закрытии воздушного пространства в районе по чрезвычайным обстоятельствам.

– Возвращаемся? – спросил пилот.

– Даже не думайте! – холодно осадил его Мария Игнатьевна. – Курс не менять, займите самый нижний эшелон и включите шумоподавление двигателя...

Она поняла, что опоздала, когда увидела грязно-бурые клубы дыма над верхушками деревьев, за которыми располагалась территория кадетского корпуса. Молча указала пилоту на пустую вертолетную площадку на опушке и достала из-под приборной панели пистолет.

Она все понимала, но все-таки надеялась на чудо и одновременно была предельно собранна – как учил ее когда-то друг-безопасник. И когда ей навстречу из-за живой изгороди выбежал еще молодой, но уже густобородый человек, крича: «Не стреляйте, я учитель Закона Божия!», Мария Игнатьевна сначала кинулась наземь, перекатилась, оказалась за невысокой бетонной стенкой, ограждавшей вертолетную площадку, и лишь тогда вспомнила этого человека.

Его представили княгине Гагариной два года назад, когда Мишу отдавали в Калужский кадетский корпус для «военной» части необходимого ему образования.

– Отец Георгий! – позвала она.

– Мария Игнатьевна, ваше сиятельство, вы здесь?! Господь услышал мои молитвы!

Он кратко поведал о беде, постигшей корпус и его воспитанников.

– Это был не спецназ и не армия. Какая-то ЧВК. Все в черном, только шевроны белые то ли с птицей, то ли с драконом красным. Но вооружение штатное!..

– Что с детьми? – одними губами вымолвила Мария Игнатьевна.

– Погибли. Наверное, все... Но Мишу я спас! Сей же час приведу!..

И даже радости не было – не до нее. Сын жив и невредим, теперь осталось вывезти его в безопасное место.

Господь уберет и тут. Когда возвращались к «стрекозе», наткнулись на патруль тех самых, «черных», случилась перестрелка, погиб бросившийся на помощь пилот, но отец Георгий сам решительно полез в вертолет, взялся за штурвал и ухитрился подобрать Гагариных буквально под пулями.

Только потом, когда они удалились от корпуса километров на десять, Мария Игнатьевна спросила:

– Вы разве летчик?

– Я капелланом в летном полку был, ребята научили, ваше сиятельство.

Миша сидел сзади и молчал. Ему было плохо. Мария Игнатьевна видела это, хотела поговорить с сыном, но отец Георгий сказал:

– Ради бога, не трогайте его. У него все друзья погибли. Пусть помолчит...

По общему согласию полетели на восток, подальше от столицы, от ее недружественных глаз и ушей. Потом закончилось топливо, и «стрекозу» пришлось бросить. Двое суток шли пешком по какой-то безлюдной местности, хорошо хоть питьевую воду нашли, наткнулись на заброшенную деревню. Там-то отец Георгий и решил, что уже можно выйти на связь со старыми товарищами.

– Предлагают забрать нас прямо отсюда, – сообщил он после разговора, выключил телефон и сломал сим-карту.

– Когда?..

– Завтра утром...

Но до утра не дотянули. «Черные» не отказались от мысли прикончить последнего кадета и его спасителей. Каким-то образом они засекли их местонахождение. Мария Игнатьевна проснулась внезапно, в сердце будто поселилась заноза. Княгиня тихо поднялась и подошла к запотевшему окошку избы. Дом они выбрали на самом краю деревни, до леса отсюда было рукой подать – всего-то метров полста, через заросший бурьяном огород. Окон в комнате было два – одно на улицу, другое во двор.

Мария Игнатьевна остановилась возле первого, взгляделась в пустынную улицу, задропированную утренним туманом, а в следующий миг едва сдержала крик, зажав рот ладонями. Там, в предрассветном мареве бесшумно перемещались темные фигуры – от дома к дому, от забора к забору.

Княгиня попятилась, едва не уронив рассохшийся табурет, обернулась и натолкнулась на внимательный взгляд отца Георгия.

– Что там? – шепотом спросил священник.

– Там... люди. Но вряд ли ваши друзья, – так же тихо откликнулась Мария Игнатьевна.

– Уходим! – Отец Георгий легко поднялся и тронул за плечо наследника.

Они сумели выбраться из дому, не нашумев. Прокрались через двор к огороду и побежали к спасительному лесу.

– Пешком далеко не уйти, – сказал отец Георгий. – Они скоро поймут, где искать.

Он развернул полетную карту, прихваченную из «стрекозы».

– Если идти напрямки, до трассы не более пары верст. А там – поймаем попутку, если Бог даст...

Добрались без приключений. Мария Игнатьевна вышла на дорогу, дождалась первой подходящей машины, ее впустили в кабину, и последнее, что увидел водитель, – окаменевшее от отчаяния лицо женщины. Он очнулся в придорожных кустах, в его ладонь были вжаты банкноты.

– Я тоже кое-что умею, – ответила Мария Игнатьевна на изумленный взгляд священника. – В молодости проходила курс самообороны. Садитесь скорее!..

Машину княгиня водила отлично. Когда через пару часов они обнаружили, что шоссе перекрыто, Мария Игнатьевна лихо развернулась на пяточке и погнала внедорожник через топкий луг и дальше – то по буеракам, то по большаку, через лес, по просеке.

В конце концов ей удалось оторваться от погони. Отец Георгий порылся в рюкзаке и вытащил моноблок спутниковой связи.

– Откуда это у вас? – нахмурилась княгиня.

– Прихватил у начальника корпуса в кабинете, когда с Мишей от убийц убежали. На крайний случай берег. Сейчас, думаю, он и настал...

Бывшие сослуживцы священника откликнулись быстро и также споро составили план действий. Не прошло и часа, как на глухой просеке, где затаились беглецы, появился военный джип, и молчаливый офицер доставил всех на авиабазу «Катышево»...

– Дальше куда? – спросил отец Георгий.

– Не знаю, – честно ответила Мария Игнатьевна. – Где сейчас безопасно?

– Там разве что, – священник указал пальцем на небо.

Кладовщик авиабазы прапорщик Серегин, седой как лунь, которого сослуживцы уважительно звали «дедом», повел Марию Игнатьевну и Мишу на вещевой склад. Их одежда была грязна, у Миши рукав форменной гимнастерки держался на честном слове. Все, что смог сделать Серегин, это подобрать им комбинезоны. Достался комбинезон и отцу Георгию.

– Вот не думал, что опять это обмундирование натяну, – усмехнулся священник. – Не удивляйтесь, ваше сиятельство, доводилось, доводилось. Не в рясе же мне с парашютом прыгать.

– Вам-то зачем прыгать? – удивилась Мария Игнатьевна. – Вы – лицо духовного звания...

– Так с ребятами! В первый раз мальчишки трусят, во второй, кстати, еще больше трусят. А видят, что я с ними, и им уже веселее.

Выдал прапорщик и хорошие рюкзаки. Мария Игнатьевна тут же с его разрешения отправилась собирать по полкам то, что могло бы пригодиться в дальней дороге. Отец Георгий остался с Мишей.

– Ты бы, чем молчать, помолился за Алешу и за Колю, – хмуро сказал он. – Им сейчас твоя молитва нужнее, чем при жизни. И за всех прочих убиенных.

– Я не могу, – с трудом вымолвил Миша.

– Хорошо, я сейчас помолюсь, а ты – потом...

В это время Каминский, уйдя с заместителем, подполковником Мелик-Бахтамяном, подальше от склада, вел бешеный спор.

Спор этот сводился к невозможности делать сейчас хоть какие-то прогнозы.

Стране грозил хаос почище тридцать седьмого года.

– Ну какой вор добровольно откажется от наворованного? – безнадежно спрашивал потомок горских князей. – Они будут держаться за власть до последнего, они и Москву, и Питер, и все города утопят в крови. Что для них значит какой-то референдум? Они его уже практически сорвали.

– Э, нет, дружище! – хлопал его по плечу Каминский. – Еще не вечер! Эти сволочи понимают, что на референдуме народ скажет «да» не им с их фальшивой демократией, а монархии. Они прекрасно видят, насколько всем надоели. Им сейчас главное – доказать, что претендентов на трон больше не осталось. А уж каким способом – не имеет значения! Референдум накроется медным тазом, а потом начнется сведение счетов.

– Жалко мальчиков...

– Жалко. Алексей Романов и князь Николай Голицын убиты во время бойни в Калужском кадетском корпусе. Во всех новостных программах – трупы, смотреть жутко. Министр внутренних дел вместе с директором ФСО на голубом глазу клянутся, что покарают мерзавцев. Где князь Владимир – одному Богу ведомо. Но князь Михаил – вот он, тут!..

– И чем скорее мы от него избавимся, тем лучше для нас! – решительно отрубил Мелик-Бахтамян. – Ты представляешь, что будет, если эти сволочи придут сюда по их следам?

– Что, что... пристрелят! – пожал плечами Каминский. – Но, Виген, мы же с тобой присягу давали! И не зарвавшимся ворами – мы стране присягали! Вот и думай... Если есть шанс...

– Да, один шанс, пожалуй, есть...

И оба замолчали. Они уже достаточно рассуждали о том, как вышло, что условия правительству стала диктовать шайка миллиардеров, нагло именующая себя «Обществом возрождения России». Обоим давно стало ясно: если шайка, сорвав всенародный референдум, который с таким трудом был организован, окончательно захватит власть и вынудит армейскую верхушку объявить военное положение, сведение счетов будет такое, чтобы еще сто лет никто и пикнуть не смел.

Референдум готовили давно. Чуть ли не десять лет назад, после ухода на покой всенародно любимого президента, сумевшего поднять страну с колен и вернуть былые престиж и мощь, встал вопрос о будущем монархе. Тогда это многим казалось сказкой. Но, шаг за шагом, сказка теряла пестрые перышки и обретала черты реальности.

Имелась целая очередь престолонаследия у Романовых, имелись свои кандидаты у Рюриковичей и Гедиминовичей. Все это были люди в годах, кое-то женат – но брак неравномерный, кое-кто на шестом десятке даже ни разу женат не был. Потребовалось провести два съезда (один под Парижем, другой в Варне), чтобы понять: кандидаты должны быть молоды и иметь правильное образование. В итоге сошлись на четырех кандидатурах: один Романов, один Гедиминович и два Рюриковича. Мальчиков стали готовить целенаправленно, переводя из одной школы в другую по мере необходимости.

Никакой агитации не потребовалось. Люди сами видели, что творится в стране. Демократия, о которой успели слегка подзабыть за два десятилетия мудрого правления Россией «мистера П», как уважительно шептались о нем западные политики, снова подняла польсевичью башку и обернулась властью кланов, неторопливым подорожанием всего, от картошки до отопления, и полной невозможностью призвать к порядку хозяев жизни. Да и как? Этим должен заниматься тот, кто на самой верхней ступеньке лестницы, но его-то больше не было!..

Если на референдуме народ проголосует за монархию, первым наденет пресловутую шапку Мономаха Алексей Романов, и тут же выйдет из тени тщательно подготовленная команда молодых управленцев. Что-то случится с Алексеем – есть дублер, князь Николай Голицын из Гедиминовичей, на полтора года моложе.

Юных претендентов берегли – да не уберегли...

Виген Мелик-Бахтамян и Олег Каминский не первый год были знакомы. До их авиабазы в муромских лесах ничьи загребушие лапы так и не дотянулись – что взять с военной авиации? Но и беда не обошла стороной.

Дочка Вигена и сын Каминского так подружились, что уже впору зал для свадьбы искать. Жили они в Москве, учились в одном вузе, встречались и однажды, вместе переходя улицу, попали под бешеный, словно с цепи сорвавшийся внедорожник. За рулем сидел пьяный в хлам сынок высокопоставленного чиновника – и ничего ему за это, в сущности, не было, адвокаты как-то очень ловко доказали, что пострадавшие виноваты сами. А пострадавшие остались инвалидами: парень – в коляске, девушка – на костылях. Горячий потомок горских князей сперва буянил – ездил в Москву, прорывался в кабинеты, а потом вдруг угас. Каминский же запомнил отморозка, просто жил и помнил. А это весьма опасно...

Вот и настало время действовать. Вечером собрались в кабинете начальника.

– Вот что, друзья, – начал подполковник с молчаливого согласия командира. – Мы тут посоветовались, прикинули... Получается, и вам, и нам будет лучше, если вы исчезнете.

– Как это?! – удивленно подняла брови Мария Игнатьевна. – Вы нас выгоняете?!

– Господь с вами, ваше сиятельство! – заторопился Мелик-Бахтамян, покраснев, будто юная девушка. – Просто мы видим для вас единственно возможный вариант избежать преследования – покинуть планету!

– Ого! – невольно вырвалось у Миши, и Мария Игнатьевна впервые за все время после чудесного спасения сына из корпуса увидела в его глазах огонек интереса. – Мы что, полетим на Луну? Или на Марс?!

– Ну, так далеко не получится, да и не нужно, ваше сиятельство, – улыбнулся Каминский. – Всего лишь на орбиту вокруг Земли.

– А что там?

– Орбитальный комплекс «Циолковский».

– Погодите, – вмешался отец Георгий. – Разве его не спустили в океан три года назад?..

– Нет. Его законсервировали: выключили большинство энергоемких модулей, оставили связь, навигацию, жизнеобеспечение и кое-что по мелочи, – объяснил Мелик-Бахтамян. – Через нашу базу на космодром Ясный проходят самые разные грузы. У меня в Ясном брат служит, заместителем начальника космодрома!

– Отец Георгий, я вам свой «Патриот» дам, – сказал Каминский. – В багажнике – две канистры бензина. Вам нужно доехать вот досюда... – Он показал точку на карте, и священник невольно присвистнул. – Да, именно так. Делайте что хотите, хоть ползком, но окажитесь тут! Вас подберут и доставят в Ясный. Оттуда – на «Циолковский». Это ваш единственный шанс уцелеть. На «Циолковском» до вас не дотянутся.

Выехали поутру, плотно позавтракав и десять раз проверив снаряжение: рюкзаки с НЗ и аптечками, оружие, вода, консервы. Каминский заставил отца Георгия дать пару кругов по базе на внедорожнике – убедиться, что мотор не сбоит, нигде ничего не бренчит и не лязгает.

– Я уже связался с Ясным, – шепнул он беглецам на прощание. – Вас ждут!

– А почему такая таинственность? – нахмурилась Мария Игнатьевна.

– Излишняя осторожность не повредит, ваше сиятельство, – тоже тихо подтвердил Мелик-Бахтамян. – Для всех – вы отправляетесь во Владимир и далее – в столицу. Здесь вы были официально как родственники Романа Олеговича...

Отъехав от авиабазы несколько километров, священник остановил машину.

– В чем дело, отец Георгий? – удивился Миша, сидевший рядом на переднем сиденье.

– Вот что, Михаил Аристархович, будьте добры, пересядьте-ка назад, – твердо сказал тот. – Еще лучше – лягте на диванчик. Путь неблизкий, можете вздремнуть.

– Отец Георгий верно говорит, Миша, – присоединилась Мария Игнатьевна, поняв замысел священника.

– А вы ко мне пересаживайтесь, ваше сиятельство, да рюкзачок мой прихватите.

– Тяжелый какой!..

Мария Игнатьевна забралась на переднее сиденье, с трудом умостила рюкзак на полу между ног. Внутри его при этом глухо лязгнуло.

– Там гостинцы от Романа Олеговича, – подмигнул священник, снова вырুলивая на дорогу. Он включил навигатор машины и набрал географические координаты конечной точки путешествия, которые ему назвал Каминский. – Так, всего-то пятьсот верст... Правда, дороги там – не ахти. Ну, даст Господь, к вечеру доберемся!..

Не вышло. Вскоре, как миновали поворот на Саров и покатили в сторону Сасово, над дорогой объявился вертолет дорожного патруля. Черно-синяя птица дважды пронеслась над «Патриотом», причем во второй раз Мария Игнатьевна ясно разглядела за блистером кабины знакомую фигуру в черном рядом с пилотом.

– А вот и гости, – кивнул на вертолет священник.

– Что же нам делать, отец Георгий? – Мария Игнатьевна тревожно оглянулась на успешного заснуть сына.

– Ничего. Пока...

Священник втайне надеялся, что дорожный патруль просто выполняет свою работу. Но когда вертолет появился в третий раз и нахально пристроился параллельным курсом с «Патриотом», стало ясно, что интересуются именно им.

– Что ж, гости пожаловали, пора и гостинцы приготовить, – вздохнул отец Георгий. – Ваше сиятельство, раскройте рюкзак.

Рюкзак оказался полон сюрпризов! Мария Игнатьевна последовательно извлекла из него автомат «Кедр», ручной револьверный гранатомет «Гном» и «АПС» – легендарный автоматический пистолет Стечкина.

– Господи, мы что, на войну собрались?!

– Мы уже на войне, ваше сиятельство.

– И что будем делать? – Мария Игнатьевна с интересом рассматривала гранатомет.

– Для начала – сможете зарядить его? – кивнул отец Георгий на «Гнома». – Гранаты в рюкзаке. Правда, только один комплект, то есть шесть выстрелов.

– Смогу, наверное... Куда их вставляют?

– Очень просто. Откройте крышку вперед и вправо... Так... Теперь берите гранату, вставьте в гнездо до щелчка и поверните барабан... там слева такой рычажок есть...

Повозившись пару минут, княгиня, к немалому удивлению священника, справилась с отнюдь не женской задачей. Мария Игнатьевна умостила оружие на коленях ствол в окно и спросила:

– Откуда вы так хорошо оружие знаете, отец Георгий? Только не говорите, что должность полкового капеллана подразумевает обязательную боевую подготовку!

– Вы правы, ваше сиятельство, – кивнул священник. – До того, как встать на путь духовный, пришлось пройти путь земной... Я шесть лет отслужил в войсках специального назначения, в десятке горячих точек побывал, насмотрелся всякого, вот душа и воспротивилась...

Он вдруг напрягся, глядя на преследовавший их вертолет. Мария Игнатьевна тоже посмотрела туда. В винтокрылой машине открылась боковая дверца, в проеме показался человек в черной экипировке и автоматом в руках.

– Ну, Мария Игнатьевна, с Божьей помощью – ваш выход! – выдохнул отец Георгий, нажимая на кнопку стеклоподъемника. – Не промахнитесь!..

Первым успел выстрелить боец в вертолете. Правда, автомат – не винтовка, и почти все пули прошли выше «Патриота», но одна все-таки пробила крышу с противным взвизгом. А

потом дважды гулко чмокнул «Гном». Одна граната взлетела высоко, была подхвачена воздушной струей винта и унеслась куда-то назад, зато другая аккуратно влетела в раскрытую дверцу вертолета. На миг Мария Игнатьевна перехватила наполненный ужасом взгляд противника, через секунду раздался громкий хлопок. Внутри вертолета коротко полыхнуло рыжее пламя, брызнули во все стороны осколки, куски обшивки и блистера, какие-то кровавые ошметки. Винтокрылая машина клюнула носом, резко завалилась на правый борт и, дымя и разваливаясь, ушла за деревья.

– Что случилось, мама? – раздался сзади сонный, но не испуганный голос.

– Все в порядке, Миша, – с облегчением откликнулась Мария Игнатьевна. – Уже все в порядке...

– Пока счет в нашу пользу, – неожиданно по-футбольному прокомментировал отец Георгий, поглядывая на княгиню со скрытым восхищением. – Однако не стоит расслабляться. Наверняка, прежде чем напасть, эти люди передали о нас информацию своим хозяевам.

И он оказался прав. Они объехали Шацк, выбрались на моршанскую трассу, и священник спросил:

– Может быть, нужна остановка? У нас есть минут пять-десять. Можем даже немного перекусить?..

– Неплохо бы, – сдержанно согласилась Мария Игнатьевна.

Они съехали с дороги на малозаметный проселок, немного попетляли и остановились под прикрытием плотных зарослей тальника на берегу небольшого ручья.

Пока Гагарины занимались личной гигиеной, отец Георгий достал из бардачка бинокль и ловко забрался в развилку огромной ивы. Надежно укрытый от стороннего глаза густой, посеревшей, но все еще не опавшей листвой, он принялся внимательно наблюдать за дорогой. И вскоре его опасения оправдались.

Из-за дальнего поворота показались сразу два могучих «Хаммера» в маскировочной раскраске. На большой скорости машины миновали съезд на проселок и скрылись вдаль между холмов. В одном из «Хаммеров», как показалось священнику, он разглядел за рулем бойца в черной экипировке с бело-красным шевроном на рукаве.

Подождав еще немного, отец Георгий спустился с дерева и подошел к Гагариным. Мария Игнатьевна уже расстелила на капоте большую салфетку и расставила их нехитрую снедь – пару банок консервов, хлеб, пакет с соком.

– Присоединяйтесь, отец Георгий, – сказала княгиня. – Откушайте, что бог послал.

– С удовольствием, ваше сиятельство!..

– Что-нибудь обнаружили? – спросил Миша, сооружая бутерброд из хлеба и ветчины.

– К сожалению, да. – Священник налил себе сока в пластиковый стаканчик, отрезал ломоть хлеба. – Придется нам менять маршрут, господа. Наши упорные преследователи теперь и впереди оказались – только что в сторону Моршанска проследовали два военных джипа. Так что быстро подкрепляемся – и в путь!..

Им пришлось сделать лишний крюк километров пятьдесят, в основном по глухим проселкам, а то и вовсе по бездорожью, но в конце концов, миновав благополучно по-над речкой большое село Ртищево на границе Тамбовской и Саратовской областей, беглецы прибыли в точку randevu.

Было уже за полночь, когда на пустынной сельской дороге, у обочины которой отец Георгий припарковал изрядно пропыленный «Патриот», показались огни приближающейся машины. Вот свет фар выхватил из темноты притулившийся джип, пришелец сбросил скорость и дважды моргнул дальним светом. Отец Георгий, как было приказано, в ответ дважды мигнул фонариком. Темная машина – обычный внедорожник «Лендкрузер» – мягко подкатилась почти вплотную, потушив фары, из нее выбрался невысокий, кряжистый мужчина, одетый как рыбак или охотник, подошел к беглецам и представился:

– Майор военно-космических сил России Забродин.

– Доброй ночи, майор, – выступила вперед Мария Игнатьевна. – Я – княгиня Гагарина. Со мной сын и наследник российского престола князь Михаил и его духовник отец Георгий. Вы нам можете помочь?

– За тем и приехал, ваше сиятельство!..

Они быстро перенесли скромные пожитки во внедорожник, многострадальный «Патриот» Забродин загнал поглубже в придорожные кусты и отправил краткую эсэмэску Каминскому.

Рыкнул мощный мотор, мазнули по обочинам дальним светом проснувшиеся фары, и пыльный проселок погрузился в ночную тишину.

Никто из пассажиров «Лендкрузера» не знал, что сообщение так и не дошло до адресата, потому что к этому моменту он был мертв.

Восемнадцать часов спустя внедорожник с двумя мужчинами, женщиной и подростком затормозил перед шлагбаумом, на котором был прибит жестяной прямоугольник с потертой надписью: «Федеральная собственность. Аэродром Степной. Контрольно-пропускной пункт № 3».

Из домика охраны вышел офицер в полевой форме, махнул рукой стоявшему у шлагбаума автоматчику, и вдвоем они направились к «Лендкрузеру».

– Куда это мы приехали? – тревожно поинтересовалась Мария Игнатьевна.

– Пункт пересадки, ваше сиятельство, – с готовностью ответил Забродин. – Дальше будете добираться по воздуху – быстрее и надежнее.

– Ваши слова да Господу в уши, – вздохнул отец Георгий.

Забродин опустил стекло водительской дверцы и протянул подошедшему офицеру свое удостоверение. Тот сверил фото в документе с оригиналом, быстро оглядел салон и пассажиров, молча козырнул и жестом приказал поднять шлагбаум.

Немного попетляв по грунтовой колее вдоль ограды аэродрома, Забродин вывел внедорожник не к зданию вокзала, а к ангарам. Загнал машину под навес между двух металлических куполов и сказал:

– Прибыли. Можно выходить. Располагайтесь вон там, на скамейке, а я пойду выяснять, когда ваш борт отправляется...

– Э-э, господин майор, – остановил его отец Георгий. – Не подскажете ли, где тут у вас... отправляют естественные надобности? И можно ли разжиться кипятком?

– Извините, отче, не сообразил!.. – смутился Забродин, оглянулся и позвал какого-то солдата. – Сержант, покажите этим людям, где находится туалет и кулер с водой.

Майор ушел, а беглецы перетаскивали рюкзаки на скамейку под табличкой «Место для курения». Отец Георгий отправился за кипятком, а Гагарины в сопровождении сержанта прошли в ангар.

– Мама, смотри! – восхищенно шепнул Миша. – Это же «Альбатрос» – сверхтяжелый транспортный лайнер «Ил-106»! Мы на нем полетим, да?..

– Не знаю, родной... – устало улыбнулась Мария Игнатьевна. – Я готова лететь на чем угодно, лишь бы поскорее оказаться в безопасности.

– Но мы ведь и так уже в безопасности? Это же правительственный аэродром!

– Калужский кадетский корпус тоже был правительственным заведением...

Миша снова сник, и Мария Игнатьевна тут же пожалела о своих словах. В молчании они посетили армейский санузел, оказавшийся на удивление чистым и комфортным, даже с душевой кабиной и феном. Когда же вернулись к скамейке с вещами, их уже ждали отец Георгий с горячим чаем и бутербродами и Забродин, сосредоточенный и хмурый.

– Что-то не так, майор? – привычно насторожилась Мария Игнатьевна.

– Транспортный борт сегодня отменен... – словно нехотя, ответил тот. – И это странно!.. Но оставаться вам здесь нельзя, поэтому придется лететь без удобств – на бомбардировщике.

– Что значит «без удобств»?

– Возможно, даже в техническом отсеке. Вместо бомб...

Возникла общая пауза – каждый пытался осознать ситуацию, и первым оказался Миша.

– Ух ты!.. А там, наверное, холодно во время полета?

– Да уж не жарко!.. – Забродин смущенно кашлянул. – Зато в бомбардировщике вас точно искать не станут. Вылетаете после заката...

Три часа ожидания показались беглецам бесконечностью, но вот в сгущающихся сумерках они увидели, как из соседнего ангара тягач медленно выкатил на дорожку знаменитого, овечьего воинской славы «Утенка» – фронтальной бомбардировщик «Су-34».

– Господи, где же мы там поместимся?! – ахнула Мария Игнатьевна.

– Все будет гораздо лучше, чем я предполагал. Вы, ваше сиятельство, будете сидеть на месте второго пилота, – принялся инструктировать Забродин. – Отец Георгий расположится позади вас, за креслами, мы ему там хороший полиуретановый матрас приспособили, ну а Михаил Аристархович путешествует в горизонтальном положении – на откидном спальном месте между креслами пилотов!

– Надо же! Никогда бы не подумала, что в боевом самолете столько свободного места!

– На самом деле там все же тесновато... Но вам лететь-то всего около часа – не успеете устать.

Взлет прошел нормально. В кабине было тихо и тепло, освещение притушено, за креслом едва слышно посапывал отец Георгий (он заснул еще до взлета, как только лег на подаренный матрас), рядом на узкой кушетке спал Миша, и Мария Игнатьевна не заметила, как задремала.

Очнулась она от того, что самолет заметно трянуло. Посмотрела на пилота, и сердце сжалось от предчувствия. Тот что-то быстро переключал на приборной панели одной рукой, вторая же крепко держала рычаг штурвала, а на конце его ярко алела большая кнопка. Мария Игнатьевна перевела взгляд на экраны радаров и увидела россыпь зеленых и красных значков, которые заметно перемещались в противоположных направлениях. Вот красная черточка быстро нагнала зеленый треугольник, и самолет снова сильно трянуло.

Княгиня поняла: их атакуют! Как?! Кто может атаковать боевой самолет над его собственной территорией?! «Господи, нас же сейчас собьют!» – ударила в голову паническая мысль, но Мария Игнатьевна усилием воли прогнала страх и лишь следила за экранами. Очень скоро она разобралась, что происходит.

«Утенка» атакуют два самолета. Они то обстреливали его, то пытались взять в клещи и заставить двигаться к земле. Но пилот бомбардировщика был человеком опытным и прекрасно знал возможности своей машины. От ракетной атаки он избежал с помощью серии ловушек, а когда противник попытался прижать его сверху, нырнул в облака, заложив немыслимый вираж, и оказался позади нападавших. Через секунду «Утенок» сам перешел в атаку, выпустив сразу четыре ракеты – по две на каждого противника. Одному удалось увернуться, а второй не смог и вмиг превратился в пылающий шар.

Оставшийся преследователь, видимо, посчитал бой проигранным и бросился наутек, затерявшись в плотном облачном покрывале.

– Слава тебе, Господи, мы живы! – невольно вырвалось у Марии Игнатьевны.

– А может, это Мишенькин ангел-хранитель постарался, – раздался сзади тихий голос.

– Да, конечно!.. Ведь его сам Архистратиг Михаил защищает! Миша родился аккурат 19 сентября...

– Ну, тогда и нам опасаться нечего! Великий воин, вождь воинства Господня нам помогает.

Остаток пути, около получаса, прошел спокойно. Они благополучно приземлились рядом с поселком Ясный, были встречены и доставлены без лишних проволочек прямо на космодром на боевой машине пехоты, – во избежание новых инцидентов.

Беглецов встретил статный офицер, поразительно похожий на подполковника Мелик-Бахтамяна, только заметно старше, с благородной проседью в густых, чуть выющихся волосах.

– Заместитель начальника космодрома Ясный, полковник военно-космических сил России Мелик-Бахтамян, – представился он, крепко пожимая руки отцу Георгию и Мише и склоняя голову перед Марией Игнатьевной. – Для друзей моего брата – просто Арам.

Отец Георгий представил всех и добавил:

– Если не ошибаюсь, ваше имя означает «милосердный»?..

– Правильно! А Виген – «сильный». У армян почти все имена «говорящие». Мы верим, что имя определяет судьбу.

– Пожалуй, да, – покачал головой священник. – Хотя... ну, какой из меня «земледелец»?

– Зато Михаил – «посланник Бога!» – вмешалась Мария Игнатьевна. – И это соответствует истине. Миша действительно послан Всевышним, сам Архистратиг Михаил его хранит!.. – И она коротко рассказала полковнику об их смертельно опасных приключениях по пути к космодрому.

Тот внимательно выслушал, потом вызвал дежурного офицера связи и приказал сообщить на авиабазу «Катышево» об успешном завершении операции по спасению наследника престола.

– А пока, друзья мои, вас проводят в гостевой домик, где вы сможете помыться с дороги, поесть горячей пищи и выспаться, – заключил Мелик-старший.

– Но позвольте, полковник, – моментально встревожилась Мария Игнатьевна, – по моему, нам рано расслабляться. Ведь эти... люди, что преследуют нас, наверняка уже готовятся проникнуть и сюда, на космодром, чтобы все-таки завершить свое черное дело?

– Ничего здесь с вами не случится, ваше сиятельство, – заверил тот. – У нас охрана объекта поставлена на высшем уровне... А отдых ваш – вынужденный. Для того чтобы переправить вас на орбитальный комплекс, требуется дожидаться «окна старта» – челнок имеет ограниченный ресурс и не может гоняться за станцией вокруг планеты. «Окно» откроется через десять с половиной часов, так что у вас еще куча времени...

Немного успокоенные, беглецы отправились в сопровождении двух бойцов охраны в соседний с комендатурой дом. Внутри действительно обнаружился небольшой, но вполне современный гостиничный комплекс со всеми удобствами. Так что едва гости оказались в предоставленных комнатах, усталость и пережитые волнения взяли свое. Мария Игнатьевна еще смогла принять душ, но на еду сил не осталось, и она уснула прямо в кресле перед сервированным столиком. Отец Георгий лишь умылся, наконец вычитал молитвенное правило, особо помолился за здоровье и безопасность наследника и его матушки, но поесть тоже не смог – сморил сон. А Миша – напротив, вдруг почувствовал впервые за последние несколько суток настоящий аппетит, и сон подкрался к нему в самый разгар трапезы. Мальчик так и заснул с недоеденным бутербродом в руке.

А спустя шесть часов их разбудили и повезли к стартовому комплексу на все том же БТР.

Мария Игнатьевна и не подозревала, что так боится узкого и тесного пространства, в котором они оказались на грузовом корабле, отнюдь не предназначенном для перевозки людей. Она обнимала и прижимала к себе Мишу, что было затруднительно, поскольку противоперегрузочные костюмы раздулись в разреженном воздухе отсека. Отец Георгий тихо молился.

После нескольких минут стартовой перегрузки все трое чувствовали себя прескверно. Челнок запускали в обычном режиме, чтобы ничто не указывало на присутствие на борту

людей. На пятой минуте полета Мария Игнатьевна все-таки потеряла сознание и очнулась, лишь когда наступила невесомость – корабль перешел на инерционный полет.

Бог уберег и на этот раз. ЦУП Ясного отработал четко: челнок вышел в точку randevу с орбитальным комплексом секунда в секунду, корректировки не потребовалось. Грузовик вошел в стыковочный модуль, как нитка в игольное ушко. Люди почувствовали только легкое сотрясение, когда автоматические захваты намертво соединили переходные шлюзы челнока и станции. Тут же в динамике зазвучал резкий мужской голос:

– Оставайтесь на месте, сейчас мы вам поможем.

Это было сказано по-английски.

«Циолковский» строили с расчетом на длительное и комфортное пребывание экипажа из четырех человек. Чем только за пятнадцать лет полета комплекса эти сменные экипажи не занимались! Испытывали новые солнечные батареи, вели астрономические наблюдения, собирали и отправляли на Землю все более-менее ценное из космического мусора, проводили опыты с самыми неожиданными растениями и живностью. Однажды смену срочно эвакуировали на Землю, а на «Циолковском» устроили карантин для возвращавшихся с Марса исследователей, которые в дороге дружно заболели какой-то непонятной хворью. Хворь оказалась не заразная, но все равно станцию пришлось дезинфицировать, и легенды об этой дезинфекции вошли в фольклор всех космодромов.

Год назад комплекс было решено законсервировать, поскольку возникли трудности с финансированием плановой реконструкции. Дежурные смены сократили до двух человек, а их пребывание – до одного месяца. Сейчас на «Циолковском» досиживал вахту смешанный экипаж – австралиец Даррен Хейс и русский Василий Малявин. Русским Малявин, впрочем, был формально – родился в семье, где бабка с дедом в безумные девяностые эмигрировали из-за политических убеждений. Сейчас старики уже сами не помнили, что их так разозлило, но очень гордились своим поступком – это было самое яркое событие их жизни. Василий знал русский язык, даже приезжал в Санкт-Петербург по программе образовательного обмена среди учеников старших классов. Но родным для него все же оставался английский.

«Циолковский» для обоих космонавтов был последним рабочим местом перед уходом на пенсию. В Австралии пенсия полагалась астронавтам с сорока пяти лет, в России и Техасе – с пятидесяти. Малявин завербовался на орбитальную вахту в России, из всех тихих мест выбрав именно это. Он надеялся, вернувшись вниз, получить два бесплатных месяца в санатории, а потом улететь к Даррену в Аделаиду.

Когда снизу, из Ясного, велели встретить живой груз, Малявин с Хейсом сильно удивились – вроде бы сменщиков ждать рано. Еще больше удивились они, когда из грузового челнока с трудом выбрались бородастый мужчина, женщина лет сорока и пятнадцатилетний парень. Все трое еле держались на ногах – явно плохо перенесли перегрузку.

– Ну вот, тут мы, слава богу, в безопасности, – по-русски сказал бородастый, едва они освободились от неудобных противоперегрузочных костюмов. – Тут нас искать не станут.

– Вы собираетесь здесь жить?! – поразился Василий. – Но позвольте, а мы? Комплекс не рассчитан на такое количество людей...

– Я слышал, что на экипаж из четырех взрослых, плюс дополнительно на какое-то количество живых организмов.

– Станция в спящем режиме, система жизнеобеспечения тоже работает на минимуме.

– Ну, ее ведь можно разбудить? – с тревогой в голосе вмешалась Мария Игнатьевна.

– Думаю, сможем, – смутился от ее взгляда Малявин. – Ну а продукты?

– Мы привезли немного...

В этот момент в проеме люка показалась белобрысая голова Хейса. Австралийцу надоело ждать, и он решил взглянуть на гостей, не откладывая. Состав компании явно озадачил его.

– Кто вы такие? – спросил он резко по-английски с характерным акцентом.

– Вы ведь получили из центра управления указания насчет нас, – дипломатично ответил отец Георгий.

– Странные указания! Принять и разместить. И – все, без комментариев. Так дела не делаются!..

– Хорошо. Мы вам все объясним, чуть позже, а сейчас...

– ...сейчас нам нужны модуль связи и самые надежные информационные каналы, – перебила их женщина, прижимая к себе подростка. Мальчишка не вступал в разговор, хотя и прекрасно все понимал – это было видно по его напряженному взгляду, метавшемуся от одного космонавта к другому.

– Да, мы должны знать, что делается внизу, – добавил бородатый. – Давайте продолжим разговор в более удобном месте, например в кают-компании?..

Хейс и Малявин переглянулись, и австралиец нехотя освободил проход.

– Все-таки как вас зовут? – уже спокойнее спросил он.

– Передатчик выключен?..

– Выключен.

– Тогда – Джордж, Мэри и Майкл.

– О'кей... Я – Даррен, а он – Бейли.

Малявин хотел было возразить Хейсу, но хмурый взгляд из-под бровей заставил его замолчать. Все прошли по короткому коридору, перешагнули высокий комингс и оказались в просторном круглом помещении с четырьмя удобными креслами у стен. Сами же стены были буквально нашпигованы всевозможной аппаратурой с разноцветными панелями – россыпь клавиш, кнопок, тумблеров, индикаторов, небольших экранчиков. Большинство оборудования было выключено, но кое-где пляска огней, легкое гудение и попискивание свидетельствовали о том, что жизнь станции продолжается.

Мальчишка, увидев это техническое изобилие, мгновенно преобразился, посветлел лицом, вывернулся из объятий матери и в полном восхищении пошел вдоль стен, разглядывая приборы и читая надписи.

– Здесь у нас и кают-компания, и рабочие места, – сказал Хейс. – Мы займем теперь первый жилой модуль, – он указал на закрытый люк с красной единицей в желтом круге.

– Вы будете жить во втором модуле, – добавил Василий, тоже переходя на английский и указав на второй люк с соответствующей цифрой. – Втроем там будет тесновато, но ничего другого предложить не можем. Гигиенические удобства расположены в жилых модулях, там же есть микроволновые печки и кулеры с водой.

– А вон туда вам доступ запрещен, – продолжил австралиец и ткнул пальцем в большой люк в дальнем конце кают-компания. На его крышке светилась предупреждающая надпись на трех языках – русском, английском и китайском.

– А что там? – впервые заговорил мальчишка.

– Переход в техническую зону комплекса. Туда без защитного скафандра нельзя – радиация, холод, невесомость.

– Тогда почему здесь невесомости нет?

– Станция, Майкл, это огромное колесо со спицами, на концах которых расположены различные модули – жилые, как этот, и рабочие, типа лабораторий, обсерватории и прочего, – охотно пустился в объяснения Малявин. – Колесо вращается, поэтому на концах спиц, то есть на ободе, возникает центробежная сила, имитирующая силу тяжести. Сейчас здесь примерно три четверти от земного тяготения...

– Пойдем, дорогой, нам нужно отдохнуть немного, а потом вы снова пообщаетесь, – перебила его Мария Игнатьевна, беря сына за локоть.

Оказавшись в своем отсеке, все трое первым делом легли: Мария Игнатьевна и Миша – на откидные койки, отец Георгий – на пол. Свет притушили, и помещение погрузилось в полумрак и тишину.

Минут через сорок отец Георгий задумался о благодарственном молебне. И в самом деле – было за что благодарить. Они уцелели, они даже не ранены. Послал же Господь людей, которые спрятали беглецов на «Циолковском» – пошлет и возможность вернуться на Землю. Вопрос: когда?..

Если референдум не состоится, будут ли те, кто погубил Алексея Романова и князя Николая Голицына, искать смерти Михаила? Ведь они добились своего – остались у власти. И чем им может быть опасен пятнадцатилетний подросток?..

Возблагодарив Господа, отец Георгий занялся устройством быта. Нужно было чем-то отгородить хотя бы уголок для Марии Игнатьевны. А Мария Игнатьевна, отлежавшись с полчаса, вернулась в кают-компанию. Она хотела знать, что делается внизу, поэтому, воспользовавшись отсутствием австралийца, снова по-русски стала просить Василия Малявина включить новостной канал.

С огромным опозданием принялась она ругать про себя тех, кто додумался собрать всех молодых претендентов в одном кадетском корпусе. Их сперва было там двое – Михаил Гагарин и Николай Голицын. Нынче в сентябре, к началу учебного года, в корпус перевели самого младшего – Владимира Бахтеярова. Потом буквально за два дня до трагедии приехал самый старший, Алексей Романов – кто-то решил, что выпускной экзамен наследник непременно должен сдать в стенах именно Калужского корпуса. А может, это не злая судьба, а чей-то холодный расчет?..

Они погибли. Погибли талантливые, умные, сильные духом мальчишки. Погибли те, на кого так надеялись. Остались двое Рюриковичей. Или один?.. Марья Игнатьевна не знала, что с Владимиром.

А Миша лежал на койке лицом к стене и думал: что он сделал не так?..

Когда началась стрельба, отец Георгий схватил за руку того из князей, кто оказался ближе. Он заставил Мишу лечь и притвориться мертвым. Сверху на них упали еще два тела, поэтому черные люди прошли мимо, посчитав всех убитыми. Лежать неподвижно на холодной земле было очень неприятно, но Миша терпел, даже когда совсем перестал чувствовать пальцы рук и ног. Стемнело... Потом они с отцом Георгием бесконечно долго ползли через плац к опушке парка, окружавшего здания корпуса...

Здания были захвачены черными людьми, два десятка оставшихся в живых кадетов заперты в котельной. А потом черные стали стаскивать трупы и раскладывать их лицами вверх ровными рядами. «Опознание будут проводить!» – с ужасом догадался Миша. Он рассказал об этом отцу Георгию, и тот лишь сокрушенно покачал головой: деваться им было некуда, оставалось ждать и надеяться на чудо.

Ночью отец Георгий ползал за водой к роднику. А потом они слышали знакомый шум – это на вертолетную площадку опускалась «стрекоза»...

В вертолете была еда, Миша накинулся на консервы первым, не сразу подумав про отца Георгия. Мария Игнатьевна тоже не сразу сообразила, что священник очень голоден...

И вот сейчас Мише было безумно стыдно: он, кадет, которому до выпуска оставалось два года, вел себя как ребенок!

Тогда мать, опомнившись, стала потчевать отца Георгия, но тот отшутился, мол, Бог послал возможность попоститься, за что грешнику следует быть благодарным...

– Батюшка, простите меня, – сказал Миша, садясь на койке.

– Бог простит, – рассеянно ответил отец Георгий, пытаясь приладить к стене большой кусок пластика. И тут оба услышали сначала женский крик, потом топот – как будто кто-то устремился к отсеку огромными прыжками.

Мария Игнатьевна ворвалась в отсек и схватила Мишу за плечи.

– Ты, ты... – задыхаясь от гнева и отчаянья, прошептала она.

– Что случилось, ваше сиятельство? – встревожился отец Георгий.

– Там в новостях... там выступил наш премьер!.. Он говорил про референдум!..

– И что же он говорил?

– Что этот проект не состоится, что его навязал нам Запад, что избирать некого – все кандидаты пали жертвами террористической атаки... И тут же – кадры: Алексей, Николай, Володенька... мертвые... и Миша! Лежит на полу в морге... вылитый Мишенька!..

– Тоже мертвый?!

– Да! Я чуть с ума не сошла! – Мария Игнатьевна глубоко вздохнула и сделала над собой усилие, успокаиваясь. – Нет предела цинизму этих... «хозяев жизни»!..

– Так. Значит, нашли похожего мальчика и произвели в покойники! – Отец Георгий сокрушенно покачал головой. – Чего же еще от них ждать?..

– Но я жив! – вдруг громко и спокойно сказал Миша. – Надо сообщить об этом людям. Они имеют право знать!..

– Нет, Михаил Аристархович... Для всей России ты теперь мертв! Референдум сорван – вот чего они добивались!.. И теперь даже непонятно, как и куда возвращаться... – Отец Георгий озадаченно дернул себя за бороду. – Я даже думаю, имеет смысл просить политического убежища в Техасе. Что скажете, ваше сиятельство?..

– Хотя в Антарктиде, батюшка!.. – устало отмахнулась Мария Игнатьевна.

– Нужно, пока есть возможность, затребовать генетическую карту князя. Пока эти звери не догадались ее уничтожить. Ваше сиятельство, я сейчас этим займусь, – предложил отец Георгий. – Им пока не до нас, им нужно захватить и разгромить все пункты для голосования. А времени у них только до завтрашнего утра. Да, да... Ведь могут найтись честные люди и прийти – хотя бы в знак протеста! Ведь всем же понятно, что не террористы князей убили.

– Я жив... – глухо сказал Миша в пространство.

– Надо было сразу догадаться, что они погубят референдум. Они слишком легко на него согласились! – воскликнула Мария Игнатьевна.

– И это тоже. Нельзя доверять тем, у кого один смысл в жизни – власть. Но сейчас нужно как-то связаться с Техасом, – напомнил отец Георгий. – Там есть то ли три, то ли четыре космодрома. Я только одного боюсь: что наше сообщение перехватят. Ведь за нами шли по следу и могли понять, что мы, в конце концов, добрались до Ясного.

– Но мы уже не опасны, батюшка. Референдум провалился, народ придет в себя и будет жить дальше... Все, все было напрасно!.. – Мария Игнатьевна судорожно всхлипнула, но тут же выпрямилась и вытерла повлажневшие глаза. – Зачем я только согласилась на эту авантюру? Ведь ясно же было – эта затея обречена на провал! Зачем я позволила использовать Мишу?.. На меня просто затмение какое-то нашло!

– Но я еще жив... – снова эхом откликнулся Миша.

Их было четверо, они дружили. А теперь остался один, и у него в душе поселился долг. Теперь он обязан был жить – за всех четверых!

А в это время Малявин тихонько переводил Хейсу то, что говорилось во втором отсеке, – благо, внутренняя связь оказалась не отключенной.

– У них какая-то неправильная демократия, – сказал австралиец. – Если они от нее хотят отказаться, значит, с ней что-то не в порядке.

– У них вся страна неправильная, – откликнулся Василий, повернувшись к контрольной панели энергораспределителя и внимательно считывая данные. – Эта страна все шансы упустила. Было же время, когда прислушивались к мнению тех же Соединенных Штатов. Все-таки страна с почти трехсотлетним опытом использования демократической формы правления!.. А

потом советников выгнали, культурные центры закрыли... Правильно дед с бабкой сделали, что уехали. Мои родители в нормальной стране выросли, я сам...

– Ты когда родился – когда Юго-Запад уже отделился или до того?

– До того... Ну, так там все было по-человечески: свободное народное волеизъявление!

– А я слыхал: и в Сан-Франциско, и в Лос-Анджелесе, и в Хьюстоне были уличные бои, а этот ваш... Капитолий... целую неделю из рук в руки переходил, – напомнил Хейс, ковыряясь в блоке настройки климат-контроля.

– Это сплетни, их Европа распространяла. Когда Евросоюз разваливался, тоже Соединенные Штаты были виноваты, – буркнул Василий. – Жаль, такая могучая держава рухнула!..

– А не надо янки всюду свой нос совать! Планета большая – за всеми не уследишь. Вот и проворонили: сначала Азиатский торгово-экономический союз, потом новую мировую резервную валюту, войну за Арктику проиграли вчистую, с арабами умудрились разругаться... Да еще госдолг!

– А чего это ты раскипятился? Штаты к вам, например, никогда не лезли.

– Потому что у нас хозяйка суровая. Британию янки, по-моему, на генетическом уровне боятся.

– А по-моему, наоборот!..

Оба замолчали, так как поняли, что вот-вот поругаются, что на космической вахте категорически не рекомендуется.

– Ты лучше скажи, что нам с этими незваными гостями делать? – снова нарушил молчание Малявин.

– Пока не знаю. Люди вроде бы нормальные. Напуганные только... – Хейс почесал свои вихры. – Плохо, что придется делиться с ними пайком.

– Да, это плохо... Но будет еще хуже, если кто-нибудь внизу узнает или догадается, что они здесь!

– Почему?

– Ты что, новости не смотришь? Мальчишка – беглый русский князь. Наследник российского престола!

– Так у них же демократическая страна?!

– Пока!.. Они хотят референдум провести, чтобы царя вернуть! Майкл – теперь единственный претендент.

Австралиец снова взялся за свои вихры. Некоторое время он таранился в пустоту, шевелил губами и все скреб макушку. Малявин, впрочем, и не ждал продолжения разговора, вернулся к текущим делам. Но он ошибся.

– Нужно сделать запрос в ЦУП, чтобы организовали внеочередной грузовик с продуктами, – заявил Хейс. – Иначе на наших запасах мы дольше недели не протянем!

– С ума сошел?! – Малявин едва не подавился карандашом, который держал во рту, пока вводил с клавиатуры новые параметры для системы жизнеобеспечения. – Если их безопасники перехватят наш запрос, то сразу поймут, где прячется наследник. Знаешь, что тогда будет? Подгонят к нам один из модулей противометеоритной защиты с лазерной пушкой – и все! Нет «Циолковского» – нет князя, нет князя – нет проблемы!

– Не понимаю... Ведь все считают, что он умер?!

– Ты не знаешь этих людей, Даррел. Они захотят, чтобы парень действительно умер. А если для этого понадобится убить нас – убьют, не сомневайся. Это страшные люди, Даррел! Страшные!.. Хомо советикус!

– Тебя про кого из российских жителей ни спросишь – все страшные, – хохотнул Хейс. – Успокойся, мы не будем посылать никаких запросов. Думаю, вся эта история надолго не затянется...

В это время Гагарины и отец Георгий держали совет. Они перебрали все возможные варианты спасения, и ни один не показался им достаточно реалистичным, кроме просьбы о политическом убежище. Смущало, конечно, что эту просьбу могут перехватить. Но и сидеть вечно на «Циолковском» беглецы не могли.

Миша получил хорошее образование, причем знания ему давали прикладные. В кадетском корпусе были макеты космических челноков чуть ли не в натуральную величину, стояла самая современная техника. Естественно, мальчишки баловались, время от времени что-то безнадежно портили... и сами же чинили, как могли. Начальство, конечно, поругивало, но не слишком, помня прописную истину о том, что всякая теория должна выдержать столкновение с реальностью, от этого она лишь прочнее будет.

Миша должен был знать, что творится там, внизу. Он теперь остался один. Один за четверых. И он просто обязан просчитать ситуацию.

Когда Малявин принес к ним в отсек ужин и посоветовал ложиться спать, Миша ничего не сказал. Он знал, что мать бережет его и не захочет, чтобы он опять смотрел на трупы. Отец Георгий прочитал вечернее правило и лег на пол. Миша видел, что для него приготовлено кресло, разулся, но лег рядом со священником. И не только из-за желания делить тяготы пути поровну. С этого места можно было незаметно подняться и выскользнуть из отсека...

В кают-компани было темно, лишь слабая подсветка от работающих приборов. Миша довольно быстро разобрался в управлении модуля связи и нашел новостной канал. Новостями «Циолковский» снабжали из Австралии, из Техаса, из Восточной Германии и из России, были еще какие-то варианты. Миша выбрал информацию на русском, английском и немецком – эти языки он хорошо знал.

Австралия, как и следовало ожидать, поддержала российское правительство, не допустившее государственного переворота. Техас выразил соболезнование дружественному народу России, чуть было не ставшему жертвой кучки радикально настроенных путчистов, и поздравил с тем, что демократия устояла.

А вот Восточная Германия удивила. Ее президент предложил оставить Россию в покое – пусть сама решает, каким путем идти. Хочется ей быть монархией – пожалуйста, демократией – на здоровье, только убивать детей – преступление. Тут только до Миши дошло, что зарубежные новостные каналы молчат о нападении на кадетский корпус, как если бы его вообще не было!

Но репортеры новостей не могли этого не знать!..

Миша стал искать информацию о своей смерти во всемирной сети. Если верить англоязычным лентам новостей, четверо кандидатов на российский престол просто погибли при невыясненных обстоятельствах, и – точка, винить некого. Немецкие блогеры были чуточку объективнее: они упоминали о некоей трагедии, разыгравшейся в элитном кадетском корпусе, но тоже как-то слишком осторожно.

Но никто не хотел ссориться с российскими кланами, державшими деньги в техасских, австралийских, аргентинских и прочих банках, не говоря уж о швейцарских!..

Тогда Миша полез на российские новостные сайты.

В России уже начался новый день. И в сводках утренних новостей Миша не нашел ни слова об избирательных участках предстоящего референдума! Как будто бы еще два дня назад они не были готовы к приему людей.

Получается, дело, которым множество людей занималось более десяти лет, погибло? И опять перед носом у народа будут махать звонкими погремушками? И опять всюду зазвучат трескучие тирады за «идеалы демократии»?

А «политическое убежище», за которое, как за соломинку, пытаются ухватиться и мама, и отец Георгий, будет убежищем лишь до той поры, пока беглецов доставят в Техас. А дальше – «челнок взорвался при неудачном приземлении». И все! Кому там нужны эти трое русских,

причем один из них – формально уже покойник?! Государственный переворот задушен в зародыше, жизнь продолжается!..

Умирать Мише совершенно не хотелось. Он видел, как умирали его друзья-кадеты... Но и позволить матери вести унижительные переговоры с правительством Техаса он тоже не мог.

– Я – офицер! – сказал Миша себе.

Конечно, он еще не был офицером – пятнадцатилетним воинских званий не присваивают. Им в корпусе лишь время от времени напоминают об офицерской чести.

Миша повозился с настройками и наладил видеосвязь с немецким каналом. Наготове были параметры связи и с российскими каналами.

– Внимание! Германия, говорит орбитальный комплекс «Циолковский», – по-немецки начал Миша. – Я Михаил Гагарин, законный наследник престола Российской империи! Посмотрите на меня – я жив! Вас обманывают! Это не государственный переворот, не верьте! Должен был состояться референдум, его готовили открыто и честно. Но погибли мои друзья, уничтожен Калужский кадетский корпус. Кучка рвущихся к власти магнатов приказала убить больше ста человек – детей, подростков, преподавателей – мирных людей, чтобы сорвать референдум! Повторяю: кадетов, и трех наследников российского престола в их числе, погубили, чтобы сорвать референдум о восстановлении монархии. Но я жив! Я остался жив и говорю с вами! Вот!.. – Он показал обе растопыренные пятерни. – Сверьте отпечатки пальцев! Я жив! И я говорю вам правду!..

На экране появился знак – кулак с поднятым вверх большим пальцем. Миша радостно улыбнулся и переключил канал. Следующим был сеанс связи с техасским новостным порталом «Орион» – тоже успешный. И наконец, Миша обратился к старейшему российскому каналу новостей «Время». Но закончить обращение ему не удалось – в кают-компанию птицей влетела мать.

– Нет, не слушайте его! – в отчаянии закричала Мария Игнатьевна. – Его хотят убить! Не отдам, не отдам!..

Она проходила на курсах, обязательных для всей родни кандидатов, и самооборону, и работу с рациями. Но устройства аппаратуры на орбитальной станции княгиня не знала и как отключить – сразу не догадалась.

– Референдум сорван, но это еще не конец! Будут другие референдумы! – постарался закончить обращение Миша. – Рано или поздно! Сколько же можно врать?!

И в наступившей на миг тишине прозвучал прилетевший издали девичий голос:

– Принято!..

Тут Мария Игнатьевна опомнилась и ударила по панели модуля связи кулаком. Экран замельтешил сполохами.

– Боже мой, Миша, зачем?! Это же безнадежно! – воскликнула она.

– Просить политического убежища в Техасе тоже безнадежно, – устало ответил сын.

В этот момент в люке первого жилого модуля появился Василий Малявин и с невнятным возгласом кинулся на Мишу.

Вероятно, он рассчитывал, что сумеет сразу повалить и задушить безумного мальчишку, который только что, возможно, погубил «Циолковский» и всех его жителей. Но Миша еще месяц назад сдал зачет по айкидо. С Василием он справился, уложив космонавта лицом вниз на ребристый пол и заломив ему за спину руку.

– Вам ничего не угрожает, – спокойно и с расстановкой сказал Миша яростно сопротивлявшемуся противнику. – Да, сигналы с «Циолковского» перехвачены, ну и что?

– Миша!.. Что ты делаешь?! – тихо вскрикнула Мария Игнатьевна.

Внезапно из второго жилого модуля донесся сильный шум борьбы – там творилось явно что-то нехорошее. А полминуты спустя в кают-компанию вошел Хейс с автоматом.

Это был один из двух «Кедров», которые на всякий случай прихватил с собой отец Георгий по настоянию полковника Каминского. От бывшего добродушия на лице австралийца не осталось и следа – только хищное выражение вышедшего на охоту зверя.

– Очень хорошо, что вы привезли с собой оружие, – с угрозой сказал он и ткнул стволом «Кедра» в замершего Мишу. – Вы нас подставили, молодой человек!.. а вы, миссис, отойдите в сторону, не закрывайте видеокамерам обзор. Простите, но мы вас троих сюда не звали. И теперь я должен вас убить – всех! А запись послать вниз. Другого способа спасения у меня нет. Если к «Циолковскому» пошлют противометеоритный модуль, вы все равно погибнете...

Мария Игнатьевна молча встала перед ним, заслоняя сына.

– Глупо, миссис. Мне все равно, в каком порядке вас убивать, – со снисходительной усмешкой произнес Хейс, передергивая затвор. – Вашего пастора я упокоил первым... Отпусти-ка моего напарника, парень. Ты проиграл!

– Нет, выиграл, – твердо ответил Миша, все еще удерживая Малявина. – Я успел сказать правду!

– Ну и что?

– Не знаю... Но я сказал!

– Миша, Мишенька, Мишенька... – застонала от бессилия Мария Игнатьевна. – Боже, зачем только я согласилась?..

– Ничем не могу помочь, мис... – начал было Хейс, и тут раздался выстрел.

Стреляли сзади и снизу. Пуля вошла австралийцу в затылок, от сильного удара он, уже мертвый, сделал пару шагов вперед и рухнул под ноги опешившей Марии Игнатьевны. Тут только она увидела лежащего на пороге модуля отца Георгия. Его лицо и голова были в крови, а правая рука крепко сжимала ребристую рукоять могучего «стечкина».

– Батюшка!.. – ахнула Мария Игнатьевна, бросаясь к священнику.

– Не трогайте меня... – прошептал отец Георгий. – Я полежу немного... У меня, кажется, ушиб мозга... Он думал, я – все...

– Не двигайтесь, сейчас я перевяжу вас! – резко оборвала его княгиня. От ее растерянности не осталось и следа. – Миша, а ты пока свяжи этого господина...

Господином был Малявин. Связывать его было нечем, и Миша просто стукнул космонавта костяшками пальцев за ухом. Василий закрыл глаза и обмяк. Гагарины вдвоем перетащили его тело в кресло, Миша сбегал в кладовую, нашел там ремонтный скотч и примотал им Малявина к креслу. Теперь его оттуда не смогла бы вырвать даже мгновенная разгерметизация станции. Потом настала очередь отца Георгия. Его тоже аккуратно перетащили обратно в модуль, положили на койку, Мария Игнатьевна тщательно обработала раны, стянула края и заклеила пластырем. Пользоваться медицинским диагностером ни она, ни Миша не умели, поэтому решили, что лучшее лекарство для батюшки – покой и молитва.

– Ну, вот и все. Прости меня, мамочка! – вздохнул Миша, когда они вернулись в каюткомпанию. – Я должен был это сделать. Если бы не сделал – сколько бы ни осталось жить, все эти часы мне было бы стыдно!

– Внизу, в России, уже давно утро, – откликнулась Мария Игнатьевна. – И что нам теперь делать – совершенно непонятно.

– Ждать и молиться... – долетел до них тихий голос отца Георгия. – Ох, не успею я свой грех замолить! Положи душу свою за други своя...

Миша снова сел за модуль связи и попытался наладить хоть один канал.

– Батюшка, успокойтесь, – сказала Мария Игнатьевна. – Просто лежите, не напрягайтесь.

– Нет... я молиться должен...

Мария Игнатьевна горько вздохнула и покачала головой. Как просить политического убежища после убийства, да и у кого просить – она не знала.

– «Время»! На связи Петропавловск-Камчатский, – обрадованно сообщил Миша. – Видео не получается, сейчас сделаю звук погромче.

– ...корреспонденты у дверей избирательного участка, – раздался мужской голос. – Участок пытались поджечь. Но в шесть утра пришли волонтеры и не допустили провокации. Поджигатели уже доставлены в полицию. Волонтеры выстраивают избирателей в очередь. На экранах для голосования покойного Алексея Романова уже заменил князь Михаил. Смотрите на счетчик!.. Смотрите, как мелькают цифры!..

– Увидеть бы! – горячо посетовала Мария Игнатьевна.

– Я стараюсь, мам!.. Ты тут все испортила!.. – пробормотал Миша, бегая пальцами по разноцветной сенсорной панели.

– «Время», на связи Магадан! Избирательный участок в фойе Геологического музея взорван, но техника для голосования, к счастью, уцелела. Ее перенесли в другое место. Магаданцы голосуют в Свято-Троицком соборе. Над входом в музей – экран, он тоже не пострадал. Транслируется обращение князя Михаила...

– «Время», на связи Хабаровск! Ничего не разглядеть, кто-то бросил в зал дымовую пашку. Ничего, зал скоро проветрят! Сейчас подключусь к локальной сети, и вы увидите цифры... Уже тысяча восемьсот пятьдесят два... пятьдесят три человека проголосовало! За – тысяча восемьсот семь, против... Уже восемьсот восемь!..

– «Время», на связи Южно-Сахалинск! Руководство городского УВД приказало прекратить голосование, но полиция перешла на сторону народа. Вот рядом со мной – полицейский, Антон Гуляев. Антон, как вы здесь оказались?..

– Мой командир меня вызвал. Мы по всему городу охраняем участки...

– «Время», на связи Благовещенск...

– Это что же такое?! – одновременно растерянно и восхищенно спросила Мария Игнатьевна.

– Референдум, мама, – улыбнулся устало сын. – Им не удалось его сорвать! Только вот непонятно, что с нами будет...

– Заря нового дня всегда приходит с востока... – отозвался из модуля отец Георгий.

– А смерть – из космоса! – неожиданно злорадным голосом объявил очнувшийся Малявин.

Гагарины дружно оглянулись на него. Потом Мария Игнатьевна решительно двинулась к пленнику, на ходу вскрывая упаковку пластыря.

– Это еще зачем? – попытался отшатнуться от нее Малявин.

– Рот тебе заклеить, предатель! Чтобы не болтал лишнего...

– Погодите! Я правду говорю!.. Парень, глянь на радар!..

Миша перехватил направление взгляда пленника и молча уставился на экран. Он был очень похож на такой же в бомбардировщике. И по нему, как и тогда, к зеленому колесу станции быстро приближалась красная «капля».

– Что это?!

– Противометеоритный модуль системы «Прометей»! – почти выкрикнул Малявин и задержался в путях. – Быстрее! Развяжите меня!..

– Зачем? – насторожилась Мария Игнатьевна.

– Надо активировать РЭБ! Это наш единственный шанс!..

– На «Циолковском» есть комплекс радиоэлектронной борьбы?!

– Да. Модифицированный «Витебск» – очень мощная штука...

Срывая на ходу с комбинезона остатки скотча, Малявин кинулся на другой край кают-компании, быстро открутил пару винтов с какой-то неприметной крышки, и глазам Гагариных предстал еще один пульт управления – всего шесть кнопок с индикаторами. Сбоку была приклеена небольшая инструкция. Космонавт, сверяясь с ней, лихорадочно нажал все шесть кно-

пок в определенной последовательности, пульт ожил, потом раздался мелодичный сигнал, и лишь тогда Малявин отступил от стены и упал в стоявшее рядом кресло.

– И все? – недоверчиво поинтересовалась Мария Игнатьевна.

– Больше все равно ничего не можем, – отмахнулся Василий.

– А он все равно приближается!.. – сообщил Миша, следивший за радаром.

– Конечно. Модуль летит по своей траектории. Главное, чтобы он не принял нас за метеорит!..

Две минуты прошли в напряженном молчании – все смотрели на радар. Красная «капля» продолжала сближение, но явно тормозила.

– А так должно быть? – спросил Миша.

– Н-нет... – Малявин вдруг побледнел. – Это не автоматический модуль! Это десантный челнок...

– Откуда же он взялся? – ахнула Мария Игнатьевна. – Чей он?

Малявин повозился с аппаратурой и включил камеру внешнего обзора. Но на экране появилась лишь усыпанная яркими звездами чернота.

– Ну, и где же челнок?

– Где-то здесь... Мы сейчас на ночной стороне, в тени планеты...

Они настолько увлеклись поисками таинственного корабля, что совсем перестали обращать внимание на радар. И зря! На нем к зеленому кружку «Циолковского» стремительно приближался совсем с другой стороны оранжевый «шарик». Только Миша, изредка бросавший взгляды на экран, наконец, заметил движение.

– Господин Малявин, а это что может быть?..

Василий резко обернулся, тоже увидел «шарик» и снова стал белым как мел.

– А вот это – она!..

– Кто?

– Смерть... Противометеоритный автоматический модуль с лазерной пушкой. Теперь всем хана, если его перепрограммировали...

Однако автомат, как оказалось, нацелился не на «Циолковского». Внезапно черноту видео озарила бледно-фиолетовая вспышка взрыва. В ее неверном свете на секунду стал виден разваливающийся на куски челнок и какие-то мелкие обломки. Незваные гости, как выяснилось, лишь чуть-чуть не успели долететь до орбитальной станции – несколько сотен метров!

– Теперь и наша очередь... – прошептал Малявин и закрыл глаза.

Но второго выстрела не последовало. Радар показал быстро удаляющуюся от станции оранжевую точку и – все.

– Кто-нибудь объяснит, что это было?! – севшим от пережитого голосом спросила Мария Игнатьевна.

– Нас кто-то защитил, мама, – просто ответил Миша. – Уничтожил наших врагов с помощью автоматического модуля...

– Не кто-то, а сам Архистратиг... – прошептал отец Георгий, появляясь на пороге кают-компании.

– Прекрасно! Но дальше-то что нам делать? – успокоилась Мария Игнатьевна.

– Ждать, – ответил отец Георгий. – Просто ждать...

И они сидели перед экранами, шарили в эфире, ловя сообщения на незнакомых языках. Связь с «Временем» была утрачена, но немецкие каналы сообщали: референдум проходит в Томске, референдум проходит в Барнауле... Комитет «Общества возрождения России» арестован... наблюдатели ведут прямой репортаж из Казани... президент «Трансинвестбанка» покинул Россию на частном самолете... референдум проходит в Астрахани...

– Боже мой, я ушам своим не верю! – повторяла Мария Игнатьевна.

– Видно, совсем мы допекли Господа своими молитвами – и вот Его воля, – отвечал отец Георгий. – Долготерпение Божье – не резиновое. Ох, как голова трещит!..

– До коронации заживет, – пошутила княгиня. – Однако печальная это будет коронация!

– Но она будет!

– Я все равно чего-то боюсь...

– Ваше сиятельство, это уже было однажды: и отрок, которого избрали в государи, и необходимость прятаться от врагов, и боязнь его матушки, великой старицы Марфы... Было! И кровь лилась! Именно так началась судьба династии, именно так воскресла страна. Все правильно, ваше сиятельство, все правильно...

– Да, мы это в курсе истории проходили, – подтвердил Миша. – Но я хотел, чтобы это был Алеша. Он старше, он был лучше готов...

В этот момент снова ожил модуль связи.

– Говорит Ясный, говорит Ясный! Ответьте, «Циолковский»...

Миша, стоявший ближе всех, обрадованно включил микрофон.

– «Циолковский» на связи! Ясный, мы живы!..

– Отлично! – прилетел ответ. – Через три часа за вами придет челнок. Будьте готовы, Ваше Величество!..

– Величество?!

Миша растерялся. Его в корпусе даже князем не называли, а только – кадет Гагарин. Что и как отвечать – он понятия не имел.

– Именно! Референдум состоялся. За вашу кандидатуру отдали голоса девяносто восемь человек из каждой сотни! Явка на участки потрясающая!.. Полиция почти везде перешла на сторону народа. Армия не покинула казармы. Российская империя возродилась!..

– Рано праздновать, – перебила радостный голос Мария Игнатьевна. – Столько еще работы впереди... Миша, ты нос не слишком-то задирай. Помнишь: «Тяжела ты, шапка Мономаха»?..

– Я – один за четверых, – ответил сын. – Они со мной, мама. Вчетвером справимся.

Олег Дивов

Последнее интервью

В Шереметьеве на рамке Ник зазвенел.

– Документики на аппаратурку предъявляем, – лениво буркнул пограничник.

«Аппаратурка» была вписана в паспорт, удостоверение репортера и командировочный лист. Вспомнив, что это еще не все, Ник выложил на стойку карту медстраховки и почувствовал себя голым: кончились его документики.

Пограничник неспешно сверял данные, а Ник, напустив на себя равнодушный вид, оглядывался по сторонам. За стеклянной стеной разгоралось московское летнее утро, и от одной мысли, какая раскаленная сковородка ждет снаружи, пересохло во рту.

Но это ерунда по сравнению с тем, куда ты попал вообще.

Ник не ждал, что ему будет так тревожно. Разум подсказывал, что это только первое впечатление и скоро пройдет. Ник просто раньше не видел настолько безлюдного аэропорта. Наверное, все дело в пустоте, она ненормальна и пугает. Аэропорт обычно полон движения, а здесь – никого. В отдалении трое полицейских болтают с парой штатских, мимо них ползет робошвабра, а за ней понуро бредет некто в сером с тряпкой и ведром.

Ника должен был встречать Гоша Васильев, оператор московского бюро. Судя по метке на карте, он в терминале, но куда спрятался – непонятно. Итого, даже если считать местных, нет и десятка человек на целый зал прилета.

Один из крупнейших аэропортов Европы, пятьдесят миллионов пассажиров в год – и вот закономерный конец. Довыпендривались.

Как говорят сами русские, если ты плюнешь, коллектив утрется, а если плюнет коллектив, ты утонешь.

Что случилось с вашей страной? Она утонула.

Ник снова повернулся к стеклянной стене. Далеко-далеко, на грани видимости, у самого горизонта, торчало нечто, смутно знакомое по картинкам в Интернете. Ник слегка прищурился, выкрутил до упора цифровой зум, включил коррекцию изображения – да, это она. Стометровая решетчатая башня с плоской грибообразной нашлепкой сверху, по-своему даже красивая. Ретранслятор стратегического оборонного комплекса «Щит», ближний эшелон. Вот зачем он здесь, кто ответит? От кого обороняться по периметру Москвы?

Зачем вы врете, а, россияне? Ладно, себе врете, привыкли уже, наверное, за последнюю тысячу лет, не умеете иначе. Но кругом ведь не слепые.

Постоянно врете, стыдно за вас – сил нет...

Пограничник отложил документы, свидетельствующие, что гражданин США Николас Кузмин, двадцати семи лет, репортер GINN, оснащен интегрированной системой фиксации изображения и звука. Взял ручной сканер, похожий на электробритву, поднялся из-за стойки и вяло сказал:

– Давайте посмотрим. Ошейничек снимаем.

Ник снял плоскую гибкую дужку, охватившую шею сзади, и повернул голову, чтобы пограничнику удобнее было провести сканером за левым ухом, потом за правым. Сканер дважды пискнул.

– Можете надеть.

Ник пристроил ошейник на место, дождался, пока тот снова увидит систему, и устался на своего визави, который неспешно печатал на архаичной клавиатуре.

Пограничник выглядел нездоровым или как минимум неухоженным. Форма новенькая, все значки, пуговицы и звездочки блестят, а офицер внутри мундира – никакой. Тусклые

волосы, шершавая даже на вид кожа. Ник вспомнил, что в Москве экологическая обстановка так себе, а уж аэропорт точно не самое полезное для жизни место, и пожалел этого вялого, словно засыпающего на ходу, человека.

– Что-то не так? – спросил тот, не поднимая головы.

– Все хорошо.

Голос вдруг сорвался, Ник откашлялся.

– Отвыкли по-русски?

– Нет-нет, я дома с мамой только по-русски и говорю.

– Пишете меня?

Ник рассмеялся.

– Да нет же. Но я снимал ошейник, потом он заново коннектил систему, надо было прогнать тест, и я использовал ваш бейдж вместо настроечной таблицы. Это не запрещено?

Пограничник наконец-то посмотрел на Ника с некоторым интересом.

– Нет, – сказал он.

И снова уткнулся в клавиши.

– Нет – значит «да»?

– I gave you a positive answer. Так понятно? Кстати, всегда хотел узнать – как вообще живется с этой штукой в голове?

– Хорошо, – сказал Ник. – Когда привыкнешь, очень удобно. Только она не внутри головы. Это же два крошечных чипа.

– Говорят, когда бармалеи ловят такого, как вы, они ему кидают на оба чипа двести двадцать вольт. Получается очень весело. Ну, для бармалеев. Правда или врут?

Ник совсем не ожидал, что будет так обидно.

«Вот же морда ты кагэбэшная, – подумал он. – Предупреждали меня, что прямо в аэропорту такая ерунда начнется, а я не верил. И ведь я с тобой пытался говорить, как с человеком, а ты не оценил. Ладно, будем считать, это мне для отрезвления и утраты лишних иллюзий».

– Вы меня с кем-то путаете, – сказал он сухо. – Я репортер. Штатный сотрудник GINN, приехал меня Бóриса Саленко – думаю, вам знакомо это имя...

Пограничник даже ухом не повел.

– ...и сегодня вечером у меня встреча с господином Серебровым.

– С государем, – поправил его пограничник.

– Он еще не будет царем на тот момент, – заартачился Ник.

– Теперь вы меня с кем-то путаете. – Пограничник сгреб документы со стойки и начал по одному выкладывать перед Ником. – Я же не следователь и не пытаюсь вас подловить. Роман Валерьевич Серебров – наш государь Роман Первый, мы так решили. Всей страной. А вы не нервничайте. Чего вы такой дерганый? Страшно? Это пройдет.

– Неуютно, – признался Ник. – Я еще никогда не видел настолько пустынного аэропорта.

– А, понимаю вас. Ну, так международная зона. Во внутренних терминалах все как обычно, не протолкнешься, а тут... Сегодня прилетел один рейс, и вы единственный пассажир.

Ник убрал документы в карман.

– Добро пожаловать в Российскую империю, – сказал пограничник. – Всего наилучшего.

Ник стоял и глядел на него. До чего унылый тип. Но ведь именно тип, типаж, один из многих. Один из миллионов.

Скудоумный и жалкий, явно с детства недокормленный, приученный унижаться, а теперь унижающий других, – вот ты каков, первый русский, которого я встретил на «исторической родине». А вдруг вы тут все такие? Не дай бог. Я с ума сойду от сочувствия к вам, несчастным, а мне работать надо. Всего два дня, но работать.

– Проходим, молодой человек, проходим.

– А вчера не было ни одного рейса? – спросил Ник.

– А почему вы спрашиваете? Это интервью? Запись идет?

– Чистое любопытство, уверяю вас. Я ничего не пишу, сказал уже. Я обязан предупредить человека, когда при разговоре с ним включаю запись, это определено международной конвенцией, и если будут жалобы, у меня отнимут лицензию.

– Ну, да, шпионская аппаратура, дело серьезное, – пограничник кивнул с таким деланным пониманием, что Нику тошно стало. – Вы с ней поосторожнее в городе. Остались сутки до коронации, люди немного возбуждены. А вы же не хотите встретить самый интересный день за всю историю человечества лежа в травматологии?.. Ну, ладно, не за всю историю, но от Вознесения Христова – точно.

«Да ты философ, – подумал Ник. – Правда, философия у тебя висельная. Чем может быть интересен день, когда начнется война, которую вы сами наклеили себе на головы? Ах, конечно, тем, что она вдруг не начнется. Верьте. Блаженны верующие».

– Желających приехать... сами понимаете, негусто. Боятся. Кому охота, чтобы тебя свои же разбомбили. А все, кто хотел уехать, давно сделали это. Основной поток был весной. Окончательно иссяк на прошлой неделе.

– Все, кто хотел... А кто хотел, но не мог?

– А кто не мог, тому помогли. – Пограничник равнодушно пожал плечами. – За государственный счет.

– Вы сами-то в это верите? – спросил Ник.

– В каком смысле? – удивился пограничник. – Вы с Луны свалились, юноша? Миллион беженцев, Европа на ушах стоит. Всем, изъявившим желание предать Родину, благодарная Россия предоставила билет в один конец. У нас здесь этих бесплатников не было, самолетом только за свой счет, но на вокзалах ад кромешный творился. Чемодан – вокзал – Берлин... Ну-с, проходим, молодой человек, проходим.

– Получается, не всей страной решили, верно? – Ник сам не мог понять, что его вдруг так заело. Кажется, он просто хотел расшевелить этого горе-патриота на зарплате, притворившегося сонным, потому что на большее не хватает актерских способностей.

– Девяносто процентов – мало вам? Давно у вас в Америке девяносто процентов голосовало хоть за что-нибудь?

– Вы же сами знаете, что референдум нелегитимен, прошел с нарушениями и не признан мировым сообществом.

– Да нам пофиг, – сказал пограничник, глядя в сторону. – А вот тоже вопрос: почему у вас красная лампочка не загорается, когда вы пишете?

– Где? – удивился Ник.

– На слово «где» есть хорошая рифма. – пограничник медленно поднялся из-за стойки. – Откуда я знаю где. Но, по идее, должна быть красная лампочка. Может быть, в глазу?

– Да не пишу я! Просто хотел знать ваше мнение.

– Мнение такое, молодой человек, – проходим, не задерживаем.

– Кого? Тут никого нет.

– Меня. Я закрываю границу Российской империи на обеденный перерыв.

Ник ждал, что пограничник хотя бы глазами усмехнется своей шутке, но тот был как каменный. Даже, скорее, деревянный. «Ivan the Fool, an Iron Man with a wooden head», как говаривала мама. Может, они тут не видят ничего странного в закрытии границы аж целой империи на обед.

Ник закинул рюкзак на плечо.

– А ведь вы правы, – сказал он миролюбиво. – С лампочкой было бы лучше и проще. Наверное, можно поставить светодиод на ошейник. Не знаю, почему так не сделали. Но все равно его будет плохо видно. Это у меня еще волосы короткие...

– Идите уже, вас люди ждут, – процедил сквозь зубы пограничник и мотнул головой в сторону дверей.

Ник удивленно поднял брови.

– Вы имеете в виду полицию?

Пограничник тяжело вздохнул и ссутулился, будто из него выпустили лишний воздух. Сунул руку под стойку и чем-то там щелкнул. Ник вдруг почувствовал себя беззащитным, почти жертвой. Это было непривычно и волнующе, даже на миг закружилась голова. На всякий случай он включил-таки запись и порадовался, что у него при этом не загорается красная лампочка в глазу.

– Что вы делаете?!

Пограничник вышел из-за стойки и взял Ника за ладонь, двумя пальцами, каким-то особенным хватом, не больно, но так убедительно, что не вырвешься.

Ник перестал волноваться и начал бояться. В любой другой стране мира он бы сейчас кричал: отпустите, я гражданин Соединенных Штатов, уберите руки, полиция! Но здесь Россия, бессмысленная и беспощадная, где знаменитых оппозиционеров убивали прямо возле стен Кремля, а популярных журналистов дубасили железом, и все ведь напоказ, под камерами, и никому за это ничего не было. А люди помельче исчезали без следа, и никто их не искал. И кричи – не кричи, а помощи не дождешься. Ник это сейчас очень отчетливо понял, буквально за секунду, на своей шкуре прочувствовал, лишь по тому, как уверенно его взяли за руку. Так здесь уводят на расстрел.

Он только бормотал: «Что вы делаете?», а сил кричать не было.

Надо гнать материал стримом в GINN – пусть хотя бы увидят, что со мной происходит. Ник вызвал перед внутренним взором интерфейс... и с незнакомой ранее веселой обреченностью приговоренного сказал себе: этого следовало ожидать.

Система не работала. Запись встала на второй секунде. И связи нет.

В голове шумело, перед глазами все плыло, Ника куда-то тащили за руку, а потом он услышал:

– Кажется, это ваше. Заберите, пожалуйста, оно мне надоело.

И знакомый – откуда я его знаю? – голос сказал:

– Глушилку-то выключи, злодей.

Ник встряхнулся, заморгал, потер рукой глаза.

Наваждение медленно отступало, но все вокруг стало еще интереснее и невероятнее.

Зато совсем не страшно.

Трое полицейских, они чему-то ухмыляются, скорее всего, замешательству Ника. А вот и Гоша Васильев, огромный бородач, добрый, теплый, уютный, вылитый медведь, вставший на задние лапы. И рядом еще один крепкий широкоплечий мужчина, которого Ник сразу опознал и совсем не ожидал увидеть здесь, – легенда русской журналистики для тех, кто понимает, Миша Клименко, «консультант по дурацким вопросам», специалист по контактам с силовыми ведомствами. Светлые с проседью волосы, чуть обрюзгшее квадратное лицо, слегка оплывшая фигура немолодого человека, забросившего фитнес, но все та же задорная мальчишеская улыбка, знакомая Нику по видео от Ббриса. «Запомни, парень, это наш ангел-хранитель и самый важный источник в Москве».

Ангел-хранитель взял Ника за плечо и развернул к полицейским боком.

– Смотрите, джентльмены, вот оно, следующее поколение. В этой дужке у парня на заливке антенна, графеновый аккумулятор, флешка и внешний процессор. Держится очень мягко, совсем не жмет. Ушки заходят во-от сюда и ложатся точно поверх чипов.

– То есть без этой штуки чипы не работают?

– Чипы активны всегда, они запитаны от мозга. Ему нужно в среднем двадцать – двадцать пять ватт, а им всего полтора-два...

Миша небрежно перепаснул свою добычу Гоше, и тот принялся жать ей руку, хлопать по плечу и интересоваться, как доехала. Ник в ответ кивал и говорил: да-да, конечно. На большее его пока не хватало.

– Ребята, не надо смотреть на парня с таким ужасом, он не умственно отсталый, хотя и выглядит... ничего, сейчас очухается. Нет, мозг действует только как коммутатор, передает на чипы питание, они не отъедают от него мощность. Простое и остроумное решение. А ошейник нужен, чтобы система могла записывать большие объемы и передавать их. В голове у парня монтажная, он сам себе и оператор, и «звукарь», и режиссер, но без ошейника ему некуда будет сохранять ролики. Это, наверное, единственный минус системы. Пока еще не научились складировать готовые записи в мозгу.

– Да много у нее минусов, – пробасил Гоша. – А звук фиговый? А оптика?

– Так у него же есть выносной микрофон. А если тебе нужен правильный – честный оптический зум, возьми обычный телеобъектив. Но смысл? Для стандартной репортажной съемки ничего, кроме микрофона, не нужно.

– Не знаю, мне и так хорошо, – сказал Гоша.

Он тоже носил репортерский ошейник, предыдущего поколения, никаких там нейротехнологий – широкий воротник с аккумулятором и блоком связи, две стабилизированные камеры на плечах, микрофоны, все очень скромно, зато надежно.

Ник еще слегка пошатывался и глупо улыбался. Он был счастлив оказаться среди своих. Гоша крепко держал его за рукав.

– Ну, мы поехали. – Миша по очереди пожал руки полицейским.

– Передайте Боре, мы его очень уважаем, но... сам дурак, – сказали ему. – И пусть сюда даже не думает соваться. При всем уважении, служба у нас. Спеленаем и засунем в первый же самолет.

– Откуда у вас самолет в Америку? – спросил Миша ехидно.

– Ну, тогда паровоз!

– В Америку.

– Наш паровоз вперед летит! – сообщили ему со значением.

– Я вас уже боюсь.

– Да есть самолет, вон же... – полицейский кивнул на Ника. – Чартер вашего коллеги.

– Так ему стоять еще сутки.

– А нам-то какая печаль? Зато там по закону территория США. Добро пожаловать на борт, и дело в шляпе, интернировали. Мы его даже кормить не обязаны будем, пусть Госдеп о нем заботится, шлет ему гамбургеры со своей кухни, раз он уже дома.

– У Бори здесь дом, – сказал Миша грустно.

– Так не надо было в нем гадить. Нет, мы все понимаем, человек погорячился...

– Он просто боится, что все плохо кончится.

– Как бы все ни кончилось, с государем так не разговаривают! – сказал полицейский. – Попробовал бы он ляпнуть такое королю Англии!

– Попробовал бы он сделать это в мечети! – сказал Миша и тем разрядил обстановку, потому что все заржали.

Ник тоже на всякий случай вежливо хихикнул.

Он знал, о чем речь, но не понимал, отчего русские восприняли инцидент с Борисом так остро. Вероятно, дело в том, что они только-только завели себе царя, а формально еще даже и нет, – связывают с ним большие надежды и потому ревностно отстаивают его честь.

А Борис Саленко, самый популярный иностранный журналист в России, «наш русский американец», взял да сказал, что это дурацкая идея, дурацкие надежды и сам царь дурак.

Прямо царю и сказал, благо они много лет знакомы.

По счастью, избранный государь – так зовут царя, пока не коронован – отнюдь не приказал отрубить наглицу голову на Лобном месте, и даже челюсть ему не свернул. Монарху не положено бить простых смертных. Это, кстати, Бóрису повезло, а то колотушка у его величества Романа Первого что надо, и опыт есть, он все-таки отставной полковник спецназа. Государь всего лишь заявил: сам дурак, я с тобой больше не разговариваю, пошел вон. После чего самый популярный журналист мигом превратился в самого никому даром не нужного журналиста, а потом еще и самого разыскиваемого человека в России. Неизвестно, было ли таково желание государя, но Саленко объявили персоной нон грата с высылкой в двадцать четыре часа. Ходила версия, что это «инициатива снизу», а царю не доложили. Саленко пропал, о чем опять-таки царю не сказали, да ему и все равно. У него и без какого-то репортеришки дел по горло; завтра коронация, торжественный запуск оборонного комплекса «Щит», а после обеда Третья мировая война.

Как нарочно, двадцать второе июня. Русский народ мистический, то есть, попросту говоря, склонный одновременно к фатализму, суеверию и мракобесию, – им понравилось. Они полезли на рожон, мировое сообщество показало в ответ кулак, и тогда Россия нарочно подчеркнула свое отношение к внешней угрозе датой коронации. Мол, кто с мечом к нам придет, от «Щита» и погибнет.

Весь мир уверен, что «Щит» вовсе не оборонный комплекс, а черт его знает какой. То, что он, судя по внешнему виду и расстановке башен, может накрыть страну полем неясной природы, это жутковато, но, в конце концов, ее внутреннее дело. Мировое сообщество вмешается не раньше, чем получит доказательства, что на территории России разверзся ад или ее несчастный оболваненный народ окончательно сошел с ума в массовом порядке. Но башни по всей границе, вынесенные к ней вплотную, – уже прямая и явная угроза соседям. Вся Европа в истерике, и ее можно понять.

Русские – с простодушием, достойным лучшего применения, – обещают доказать свое миролюбие, включив «Щит». Перед этим они коронуют Романа Первого, и тот нажмет символическую кнопку. Двадцать второго июня. Ребята, да вы с ума сошли.

Мистицизм не мистицизм, а идиотизм точно.

Так или иначе, но, по данным нашего источника в Кремле, «окно» под интервью вечером перед коронацией осталось в расписании избранного государя. Источник рассматривает это как недвусмысленное приглашение. Тем более что за то окошко уже перегрызлись все новостные агентства, какие вы можете вспомнить, и всем отказано. Похоже, в Кремле ждут человека из GINN.

Понимают, значит, что к чему.

Государь хочет не просто говорить, ему важно донести свое слово до людей. А в интернете всем плевать, кто что сказал, даже если он два раза царь. Да ты хотьними штаны; надо как минимум овцу трахнуть, чтобы тобой заинтересовались. Голос человека в интернете – глас вопиющего в шторм. Люди видят ровно то, что готовы увидеть, и слышат не больше, чем хотят расслышать. Про Россию и русских им все давно объяснили, у них сложилось мнение, и хрен его оспоришь. В интернете каждый пользователь страшно умный, а кругом одни дураки, и он это знает твердо.

Выйти на такую самодостаточную аудиторию, убежденную в том, что она «знает жизнь» и ее на мякине не проведешь, можно только через сетку вещания GINN. Сюжеты GINN эти дебилы – простите, эти добрые люди – смотрят от корки до корки, чтобы казаться себе еще умнее, поскольку Глобал Индепендент Ньюс Нетворк последняя в мире полностью независимая и по-хорошему безбашенная информационная компания. Люди верят, что GINN говорит только по делу, клинически объективна и если кого-то пустила в эфир, значит, в этом есть большой смысл. Так уж и быть, они потерпят твою россиянскую харю пару минут, а там, возможно, ты им понравишься.

Поэтому в Россию прилетел Ник. И сейчас Гоша твердой рукой ведет его на выход к парковке, а Ник пытается сообразить, отчего они не идут в сторону аэроэкспресса, так ведь было бы лучше – сорок минут, и ты с гарантией в центре города.

Они подходят к машине, Ник видит человека за рулем и окончательно перестает что-либо понимать.

– Хватит дурака валять, садись назад, – сказал Миша. – Давай-давай, будь хорошим мальчиком, не наглей.

Борис Саленко, самый разыскиваемый человек в России, недовольно ворча, перебрался на заднее сиденье.

– И не бухти, – добавил Миша. – Ведь под честное слово все.

Саленко открыл было рот, но только протяжно зевнул.

Он сильно постарел за пару лет, что Ник не видел его вживую. А может, последние дни его вымотали. Но тогда, если судить по лицу, он за эту неделю в бегах целую жизнь прожил. Миша с Гошей, явно не следившие за собой, на его фоне казались гладкими и лоснящимися, как типичные американцы.

И, главное, он был усталым, таким же шершавым и тусклым, как тот пограничник, умерившийся еще при рождении.

Ник помнил совсем другого Саленко: быстрого, подвижного, с богатой мимикой; когда-то он жаловался, что ему всегда приходится в кадре хоть немного, но зажимать себя, контролировать тело и лицо, чтобы не мелькать, выглядеть солиднее и убедительнее. Обаяние Бориса включалось на полную мощность именно в движении. Магия жеста, волшебство улыбки. Одаренный от природы коммуникатор, гений общения.

Теперь его не было. Ну, здесь, в машине, не было точно.

– Приветствую вас на русской земле!

Эта реплика очень подошла бы прежнему Саленко, но сейчас не очень прозвучала. Он сунул Нику узкую крепкую ладонь, и рукопожатия тоже чего-то не хватало. Энергии.

– Что случилось? Какой-то ты пришибленный.

– Его погранцы глушилкой жажнули, – объяснил Миша, садясь за руль. Гоша устроился рядом, и в машине стало заметно темнее.

– Что так?

– Довыживался.

– Ничего не понимаю, – честно признался Ник.

– Да и не надо, – сказал Саленко. – Ты в хорошей компании. Я тоже здесь ничего не понимаю. Все такие умные, один я дурак. Теперь нас двое.

Машина тронулась и резво запетляла по парковке. На выезде у паркомата ошивался небритый тип в светоотражающем жилете. Миша высунул в окно руку и что-то вложил в подставленную ладонь, шлагбаум поднялся, машина выскочила на шоссе – и поехала, аж дух захватило. Ник не помнил, когда в последний раз его возили с такой скоростью. Возможно, в президентском кортеже Сан-Эскобара.

– Сколько ты дал этому уроду?

– Сколько надо, чтобы он после смены упал и все забыл.

– По факту мы тут были, ты же не отключил трекинг.

– А плевать, где кто по факту. Наше дело – прикрыть хороших людей на случай, если тобой займутся всерьез и станут искать, где ты шляется. Значит, главное, чтобы этот тип не запомнил твою морду. Никаких проблем. Тебя здесь не было. А мы с Григорием встречали гостя, все нормально.

– Погоди, он правда, что ли, забудет?..

– Естественно. А как еще?

– М-да... А ничего, что за нами хвост?

– Этот хвост – кого надо хвост. Странно, что ты его не заметил, пока мы сюда ехали.

– Я был занят. Я думал, – сказал Саленко.

– Раньше надо было думать, – сказал Миша.

– Когда?

Миша не ответил. Ник слушал этот загадочный диалог, тихо обалдевая. Машина неслась по пустынной трассе от аэропорта к Ленинградскому шоссе. И действительно за ней кто-то ехал, на почтительной дистанции, но тоже быстро, не отставая.

– Ну, когда же, объясни, я не обижусь, – настаивал Саленко.

– Знаю я, как ты не обижаешься. – Миша так заправил машину в поворот, что Ник едва не стукнулся головой о стойку, даже ремень безопасности не помог.

– Когда Леночка подала на развод, – пробасил Гоша.

– Да, тогда был первый звонок, – согласился Миша. – Он же последний.

Саленко тихо зарычал. Наверное, в знак того, что не обиделся.

Далеко впереди показалась еще одна башня «Щита». Ник знал, что их много, видел карту, да ее весь мир сто раз видел, когда СМИ подняли крик, она долго не сходила с мониторов. Но тогда это казалось игрой. А тут все серьезно. И очень страшно. И Саленко был первым, кто сказал еще года два назад, когда по всей стране начали заливать опоры под башни: ребята, я знать не хочу, что вы затеяли, но это плохо кончится.

Кстати, именно тогда его жена и выгнала. Совпадение?

Выскочили на Ленинградку, тут уже было движение, и машина влилась в общий поток. Она все равно шла напористо, перед ней расступались, и Ник никак не мог избавиться от ощущения, что они в Сан-Эскобаре. Пейзаж совсем не похожий, но есть нюанс: мы расталкиваем других плечами. Так в диктаторских режимах сильные мира сего, а на самом деле крошечного задрипанного мирка, подчеркивают свой людоедский статус.

И башни, эти башни... В «Щите» и вокруг него – десятки тысяч человек. И ничего внятного не удалось выяснить про то, как он работает. Наверное, кому надо, те знают, но тоже молчат. А официально было сказано, в самых общих словах, что комплекс защищает границы России от вторжения «путем принуждения живой силы к миру». Танки заедут – и встанут, поскольку экипажи то ли потеряют сознание, то ли еще что. Теперь против России возможна только баллистическая атака, и по этому поводу русские намерены значительно сократить численность своих наземных сил. Мирная инициатива. И русские выражают недоумение, почему все так волнуются.

Волнуются – это мягко сказано...

Рядом недобро сопел Саленко. Кажется, Мише с Гошей все-таки удалось крепко задеть его самолюбие.

Ник вообще чувствовал себя шокированным самой темой разговора. Будь он на месте Бóриса, никому бы не позволил так с собой обращаться. Да с ним и не стали бы по умолчанию. Все друзья Ника – американцы, люди деликатнейшие. А россияне, известные грубияны, не признают элементарных норм, вроде приватности личной жизни. Это надо понять и простить, они не виноваты, культура такая, вернее, отсутствие культуры.

Миша и Гоша, сначала показавшиеся Нику очень милыми, хотя и чересчур фамильярными, вдруг повернулись не тем боком, с какого он хотел бы их видеть. Сейчас просто лезут не в свое дело, а куда их понесет дальше? Недаром сказал классик, правда, Ник не помнил, какой именно: «Сила, наглость и хамство – национальная идея России». Точно русский классик, другому не пришлось бы в голову так оскорбить чужую страну. А родную и подавно.

И все же надо делать скидку на то, что они считают Бóриса равным себе, и в известном смысле эта грубость – знак уважения. Саленко здесь свой. Как они говорят, «свой в доску», что бы это ни значило. Минимум наполовину русский по крови, он никогда не притворялся

человеком с претензиями на обладание традиционным российским менталитетом. Да боже упаси, ни намек на этот менталитет у него отродясь не было. Наоборот, он подчеркивал свою инородность. Но постепенно сам так обрусел, что его даже бить пытались в здешней глубинке, приняв за москвича. Ник хорошо знал его историю.

Борис Саленко приехал в Москву двадцать лет назад, как сейчас Ник, в точности, вплоть до подробностей – на пару дней, заменить выбывшего репортера. Правда, тот не прятался от властей, а, скорее, мимо них промазал. Вместо того чтобы идти в Кремль на прием к легендарному Путину – ушел в запой. Чисто московская история: влюбился, подрался, надрался. Здесь это часто бывало с заезжими журналистами, черт знает почему, их уже начали конкретно предупреждать. Так сказать, в наследство Борису достался оператор Гоша Васильев, тогда еще без бороды, но уже здоровый, как медведь.

Саленко тоже с ходу влюбился – в Москву – и накрепко застрял в ней, заявив, что наконец-то отыскал место, где не скучно жить. Справедливости ради, Борис успел к своим двадцати пяти годам повидать много занимательных и увлекательных мест, но их нескудность выражалась по большей части в том, что там убивали. Это рано или поздно надоедает. А Москва была едва ли не самым безопасным мегаполисом планеты, и там шла постоянная, как ее называли русские, «движуха». Борис вписался в движуху как нельзя лучше. Через год его уже знали все и он знал всех. Острый на язык, чертовски обаятельный, очевидно честный и столь же очевидно желающий России только добра, репортер GINN превратился в «нашего американца», которому позволяли очень многое и прощали, когда его заносило. Потому что человек прибыл из другого мира и наших реалий не понимает, но мы ему сейчас объясним.

Саленко сразу понял, насколько это ему выгодно, принял такие правила игры, и беспардонно ими пользовался. Ему не приходилось кривить душой, разыгрывая простака, он и был им, парнем из-за океана, искушенным во всякой пиндосской фигне, а в российской специфике простодушным иногда до наивности. Бывало, над Борисом посмеивались, но через два раза на третий, а то и чаще, пресловутая специфика оказывалась-таки русской фигой, которая достала местных до печенок. И не было лучше способа, чем откровенный разговор с «нашим американцем», чтобы, как говорится, заострить внимание на проблеме.

Ему не только отвечали на трудные вопросы, но и разрешали в принципе их задавать. С ним охотно дискутировали, разъясняя на пальцах вещи, которые отчего-то раньше забывали растолковать собственному народу, хотя тот не отказался бы. Саленко стал для россиян зеркалом, отражающим их проблемы под новым углом. Он оказался нужен здесь. Его полюбили. Его охотно звали выступать в российские программы и не раз хотели перекупить, а Борис мягко, но непреклонно объяснял: спасибо, ребята, что вы так меня цените, только поймите, я полезен России именно в роли сотрудника GINN. Если я репортер независимой компании, то люди могут посылать меня подальше, опровергать мои слова, подавать в суд на мои сюжеты – это нормально, работа такая, да и сам я не истина в последней инстанции, – но никакой редактор не будет намекать мне даже шепотом, что надо снимать, а чего лучше не заметить.

Естественно, персональная харизма Саленко отразилась на популярности GINN в России; раньше тут его смотрели и ценили единицы; фактически Борис затащил этот канал сюда на своем горбу. Стиль канала понравился русским, идеология тоже, и была даже попытка создать «рашен Джинн», тупо его скопировав. Провалилась она из-за упорного нежелания местной аудитории поддерживать рублем что угодно, хотя бы отдаленно похожее на старое доброе эфирное телевидение, пусть оно и сто раз независимое, и совсем почти без рекламы, и все из себя за трудовой народ. Хотя именно такой формат вещания, как традиционный канал с заранее структурированной подачей, русские предпочитали и охотно смотрели. Просто не собирались за него платить.

Бориса это скорее устраивало. Хорошо быть уникальным.

Вскоре он заговорил с московским акцентом, да так чисто, словно тут родился. Много ездил по России и действительно пару раз удостоился тумачков от нетрезвых патриотов, – так, слегка, для профилактики, чтобы знал, сволочь, как провинция любит зажавшихся москвичей, выпивших из страны все соки. Трудно работать в кадре с битой мордой, но сам факт того, что его принимают за русского, да еще и жителя столицы, привел Бóриса в восторг. Он даже женился на радостях.

Лет десять ему жилось в России прекрасно. Он был звездой, жена совсем не мешала работать, и дети красивые получились.

Конечно, даром это Бóрису не прошло. Его считали больным русофилом, говорили, что продался, за ним по всему интернету бегала персональная бригада хейтеров на зарплате и дивизия бесплатных психов. А он знай гнул свое – и создавал потихоньку очень теплый и добрый позитивный образ России и русских страны для всего мира.

Но потом в России плавно и почти незаметно для непосвященных сменилась правящая элита. Пришли те, кого тут давно ждали, – патриоты-технократы, которых потихоньку выпестовал хитрый Путин. Оказались эти ребята весьма зубастыми, расчищали под себя поляну жестко, с шумными расправами и показательными судилищами народу на потеху. Какого-то явного экономического чуда страна не дождалась, но давно обещанный технологический рывок пошел сразу по всем направлениям, качество жизни повысилось за считанные годы.

Постепенно нарисовалось и лицо этой когорты – все больше внимания оттягивал на себя отставной полковник Серебров, умница и симпатяга, вынырнувший откуда-то из недр военно-промышленного комплекса, с парой боевых наград и дипломом Академии госуправления. Он умел хорошо говорить и нравиться людям. Саленко сразу его засек наметанным глазом – и сказал, что этот ушлый дядька снял погоны неспроста. Сейчас его будут продвигать, нынешний президент фигура техническая и промежуточная, а вот лет через семь-восемь вы сами выберете Сереброва – и очень надолго. Правда, он изрядный монархист, но это у военных, что действующих, что бывших, стандартный закидон, а в остальном, как говорится, был бы человек хороший.

Кто ж знал, что Сереброва продвигать будут конкретно в цари.

И персональные убеждения Сереброва вовсе ничего не значат.

То есть для Бóриса Саленко это оказалось полное откровение.

Попади Саленко в Россию пораньше, он бы знал, насколько модной тут была в начале 2000-х для узкого круга посвященных тема формирования новой аристократии и «владельческих родов», как опоры страны на отдаленную перспективу, ну и, собственно, института монархии ради «замыкания пирамиды власти». Монархия планировалась конституционная и выборная, без наследования, такой, короче, развитой цезаризм. Или бонапартизм, это уж как получится.

Году примерно к 2010-му тема заглохла, ее просто решили дальше не форсировать, чтобы она не утекла в популярные СМИ, где сидят безмозглые по определению выпускники журфака МГУ. Эти как напишут: «Олигархи решили дать стране царя!» – и здравствуй, дубина народной войны. Увы, стараниями одной конкретной творческой личности при слове «царь» народ представляет себе ее конкретное лицо. Так можно запороть любую идею. Как запороли уже последовательно коммунизм, демократию, либерализм, игру в бадминтон и далее везде.

Идея пустила глубокие корни и, когда настало ее время, полезла наружу, зелененькая, свеженькая и веселенькая. Саленко занервничал. Он был уже репортером до мозга костей, то есть человеком, натасканным на объективность и на безоценочное освещение событий, но в частном порядке его от слова «царь» просто трясло. Бóрис долго не мог понять, чем так страшна русская монархия, пока не родил формулировку: «Это плохо кончится». Она все объясняла.

Друзья и коллеги восприняли его фобию с пониманием, говоря себе и другим: «Боря все-таки не отсюда, трудно ему, пожалеем мужика». Они сами относились к монархии, даже самой конституционной и выборной, очень по-разному.

Потом объявили о строительстве «Щита», и фобия перешла в манию, а сам Саленко ушел в оппозицию.

Москва встретила его метаморфозу с равнодушием почти оскорбительным. Неофициально Бóрису шепнули, что он такой тоже стране полезен, а то уж больно у нас все единогласно. Зато его чуть не выгнали из GINN, потому что с безоценочностью и объективностью в сюжетах московского корреспондента вдруг стало как-то плохо. Он с трудом взял себя в руки.

Начались личные проблемы: трудно общаться с людьми, которые в упор не видят, как их власть толкает страну к войне с цивилизованным миром.

Ну и людям трудно общаться с человеком, из которого вдруг посыпались обороты вроде «цивилизованный мир», чего за ним десять лет не замечали.

Кончилось все действительно плохо, но пока еще только для самого Саленко.

Может, завтра станет плохо сразу всем, но это – завтра.

А сейчас Ник украдкой поглядывал на Бóриса и думал, как бы подловить момент, когда будет уместно спросить – почему он все еще здесь. Жена выставила его за дверь года два назад; сыновья, как Ник понял по некоторым обмолвкам, предпочитали гордиться папой на расстоянии – они и раньше-то видели своего звездного родителя не каждый день. Зачем Бóрис так отчаянно цепляется за Москву, в которой он теперь чужой?

Наверное, это что-то очень личное.

До въезда в город осталось всего ничего, но поток уплотнился и сильно замедлился. За окном тянулись вереницей торговые центры, позади них жилые кварталы. Всюду сновал транспорт, ходили люди, и трудно было поверить, что завтра война.

«Хвост» держался в паре машин позади. Ник украдкой рассмотрел его. Примерно так он представлял себе автомобиль ФСБ, если бы не одно но. Это был вылитый автомобиль ФБР. Марка, цвет, модель, ну все. Издеваются они, что ли.

– Миш! – позвал Саленко, глядя в окно. – А у нас совсем ничего не осталось?

– Увы.

– Это потому что кто-то пожадничал.

– Это потому что кто-то слишком много пьет!

Саленко выразительно шмыгнул носом.

– Слушай, насчет Лены... – сказал Миша. – Прости. Кажется, это было лишнее.

– Да нормально. Я не обиделся, – буркнул Саленко. – Вы, конечно, старались. Вам бы только уязвить человека. Вы меня ненавидите за национальность – за то, что я американец! – но у вас руки коротки сладить со мной.

– Слава богу! Наконец-то что-то знакомое. Узнаю друга Борю. Друг Боря, ты когда собираешься инструктировать заморского гостя?

Саленко покосился на притихшего в своем углу Ника.

– А я не буду! – заявил он.

Спереди обернулся Гоша.

Миша тоже сделал такое движение, словно очень хочет посмотреть назад, но ограничился пристальным взглядом в зеркало.

Ник уже в который раз почувствовал себя мебелью.

Это было несколько унижительно, но Ник отдавал себе отчет – старался как минимум, – что ситуация непростая, люди непростые, и вообще все сложно. «Надо представить, что я в Сан-Эскобаре. Там со мной тоже не церемонились».

– И зачем тогда было это все? – недовольно спросил Миша.

– Я хотел. Честно. Но я, пока сюда ехал, много думал, и пока вас ждал на парковке, тоже думал, – сказал Саленко. – И понял одну вещь. Даже странно, как она раньше не пришла мне в голову. Ничего уже не исправить, ничего не изменить. Россия мчится, как красный бронепоезд, на полных парах в историю. И это интервью, если оно получится, будет документом эпохи. Возможно, последним интервью Сереброва. А может, последним интервью на Земле...

– Ты с похмелья бываешь положительно невыносим!

– Отстань, я потеряю мысль. Ник, пойми меня правильно. Это уже не наша игра и, по большому счету, даже не наше дело. GINN здесь только инструмент, а вернее, игрушка судьбы. Государь, мать его, император Роман Валерьевич Серебров тоже доигрался, но его роль – первого плана. И твоя задача – дать ему комфортно исполнить свою партию. Больше от тебя ничего не требуется. Думаю, уже готовы вопросы, и ты не упирайся, когда их увидишь. Можешь их редактировать, но не отказываться. Их надо отработать, а пока Серебров будет говорить, ты поймешь, чего не хватает, и придумаешь свои. Один-два, не больше. Не сочти за оскорбление, но Серебров в нашей профессии немного опытнее тебя и лучше знает, как готовить и вести интервью. Просто не мешай ему. Это лучший способ нам исполнить свой долг перед лицом неизбежного. Понял меня?

Ник оторопело кивнул. Уже в пятый или шестой раз. Ничего себе инструктаж. Какая-то эпитафия человечеству.

– Ох, и худо тебе, дружище... – протянул Миша.

– Вы просто не видите, – Саленко тяжело вздохнул. – Вы просто не видите, как все это выглядит со стороны.

– Да вроде неплохо.

– Только для вас. А с точки зрения нормального человека, к власти пришла хунта и творит беспредел. Ее пытались хотя бы призвать к порядку, ничего не получилось, а теперь она совсем обнаглела, и ее остановят силой.

Ник молча кивнул.

Миша и Гоша синхронно то ли хрюкнули, то ли фыркнули.

– Нет, ну есть и такое мнение, – согласился Миша. – Только ты про нормального человека – вычеркни, пожалуйста. Это мнение тех, кто заинтересован. Его навязали всем, кто зависит от заинтересованных. А вот нормальный – и, главное, внутренне свободный человек...

– Россиянин, например, – повернул Саленко.

– Да, хотя бы россиянин, со свойственным ему пофигизмом, зиждя... блин... зиж-дядцем-ся... или надо через «и»? Да пофиг, основанным! С пофигизмом, основанным именно на внутренней свободе... Он понимает, насколько все естественно и нормально. В кои-то веки – нормально.

– Ой, хватит. Сколько можно?! Я тебе пытаюсь объяснить, а ты не слышишь. Неважно, что ты думаешь, и неважно, что думаю я! Даже если люди во всем мире одурачены, – какая разница? Важно только одно – как действия России выглядят. И какие были сделаны выводы.

– Я помню, какие выводы были сделаны из пробирки с белым порошком, – произнес Миша вкрадчиво. – Триста тысяч жизней это стоило Ираку. Стесняюсь спросить – ты ведь раньше знал про это, а потом забыл, ага? А для Ливии и пробирки не понадобилось. Теперь скажи – почему Россия, на которую двадцать лет всех собак вешают, построила «Щит»?

– Совершенно не вопрос, – отрезал Саленко. – Надо было загружать ВПК, загружать стройкомплекс, придумать рабочие места хоть из воздуха. Этот ваш «Щит» – огромный мыльный пузырь. И без войны он лопнет. Сереброва просто загнали в угол, ему деваться некуда. Мне его искренне жаль. Рома – заложник. Но мог бы пустить себе пулю в лоб, а взял и всю страну потянул за собой!

– Бедный Гоша... – донеслось спереди.

– Чего я бедный?..

– Ну, я-то Борю почти год не видел, а ты эту конспирологию слушаешь каждый божий день, кроме выходных!.. Знаешь, Борь, мне иногда кажется, что ты прав: мы все умные, а ты один дурак.

– Работа такая, – заявил Саленко. – Работа шута – говорить правду в лицо!

– Тоже мне, Шико нашелся! Только он-то был герой.

– Кто такой?..

– Извини, я забыл, что ты американец и без гугла совсем дикий.

Саленко опять вздохнул, еще горше.

– Я отключился, – буркнул он, слегка подавшись в сторону Ника. – Совсем, в ноль. Человек-невидимка. Даже за пиво заплатить не могу.

«Теперь все ясно, – подумал Ник, – вот почему я не вижу метки Бóриса на карте. Он спрятался. Интересно, как они обходят программу распознавания лиц? Камеры здесь повсюду. Или ничего не работает? И программа не работает? А может, у них и «Щит» не работает? Бóрис сейчас не просто так распинался. Ходила ведь такая версия, что вся эта затея со «стратегическим оборонным комплексом» – грандиозный блеф. Технократы просто наворовали бюджетных денег. И Сереброва подставили, а он зашел слишком далеко и теперь с упорством обреченного пытается доиграть игру до конца. Россия объявлена угрозой свободному миру, войска НАТО стоят вдоль границы и пересекут ее, как только царь нажмет кнопку. С мандатом ООН или без него, им уже все равно. Заседание Совбеза кончится с минуты на минуту, Россия лишена права вето, Китай воздержится, значит, мандат будет. На что они тут надеются, совершенно непонятно. Какой-то пир во время чумы».

– Будет тебе пиво минут через двадцать, если не застрянем у Белорусского, – сказал Миша. – Потерпи, страдалец. Ты сколько уже с утра вылакал?

– У меня вчера был трудный день.

– И ночь, полная трудов!

– Не считаю нужным это комментировать.

Они ехали по городу, и Ник путался в ощущениях – не мог понять, нравится ему тут или нет. Несмотря на эклектику, несовпадение архитектурных стилей, Москва была по-своему красива. В ней чувствовалась некая сила, древняя, могучая, сила имперской столицы. И еще одно – Москва очень прочно стояла на земле. Ник не знал, как это рационально объяснить.

Станный город. Но не страшный. Добрый. Очевидно, душа нараспашку, добрый. С учетом того, какие зверства тут творились всю его историю, это тоже плохо укладывалось в голове.

– Так! – сказал Миша.

И замолчал.

В машине повисло напряжение. Ник сфокусировал взгляд на новостной ленте, – ничего особенного.

– Есть решение Совбеза, есть мандат. Идиоты. Ну, и что мы будем делать со всем этим металлоломом?..

– Что ты будешь делать с металлоломом, который прилетит тебе на голову?! – рявкнул Саленко.

– ...Нам же придется тащить его обратно через границу, чтобы вернуть законным владельцам! – закончил мысль Миша.

– Останови! – сказал Саленко. – Вон там.

– Фиг тебе. Реанимация – на Новом Арбате.

Саленко застонал, согнулся пополам и сжал руками виски.

– Ну да, хреново мне, хреново... – пробормотал он. – Ну дурак я, ну что теперь поделаешь... Миш, ты в ядерный удар совсем не веришь?

– Исключено. Сначала они будут тестить «Щит» наземными силами.

– Ну и расстреляют башни издали!

– А кто говорил, что это пузырь? – поддел Миша.

– Предположим, что башни работают. Все делают вид, что башни работают. Логично разбить их километров с двадцати пушками. А лучше с пятидесяти ракетами.

– Пускай бьют. Лишь бы не задели гражданских. Кто тебе сказал, что первый эшелон подключен? Кто сказал, что это вообще не макеты и там есть персонал?.. Они разносят первый эшелон в хлам и заходят на нашу территорию. Имеем акт прямой агрессии и вторжение. И вот тогда будет нажата не бутафорская кнопка, а настоящая. Так вижу.

– Это твое профессиональное мнение?

– Так вижу, – повторил Миша.

Саленко откинулся на спинку сиденья.

И только сейчас перед глазами Ника высочил значок Breaking News. Однако ну и информаторы у Миши Клименко, скромного консультанта.

– Город сегодня нажрется в хлам, – сказал Саленко и прикрыл глаза.

– Кто о чем, а Боря о выпивке...

– Ник! – Саленко сел прямо и заговорил строго. В нем случилась какая-то перемена, из которой Ник сделал один вывод: сейчас надо слушаться. – Свяжись с нашими, пусть твой вылет перенесут. Если Миша договорится насчет интервью, оно будет в восемь пи-эм, они подгадают к ланчтайму в Америке... Что так смотришь? Да, у тебя прямой эфир. Серебров не признает монтажа и редактуры. Он русский царь, черт побери, он хорош сам по себе и знает, что говорить. Даже если он чихнет, или стакан уронит, или шнурки развяжутся, его честь не пострадает. Царь выше всего этого. Он может упасть в лужу при всем честном народе – и встать еще круче, чем был. Может себе позволить, ты понял?!

– Ты чего орешь на парня? Боря, очнись! – позвал Миша.

– Ты лучше скажи, кто Романа всему этому научил! – пробасил Гоша.

– Цыц! Он сам умел. Он не глупее нас с вами. Уж точно не глупее меня... Прости, Ник, что-то я очень громкий. Итак, скажи нашим, я хочу, чтобы самолет вылетел около нуля часов. Лучше – чуть раньше. Одиннадцать тридцать будет хорошо, Миш?

– Успеете. Хотя зачем такая спешка?..

– Значит, одиннадцать тридцать. Передавай.

– Мне кто-нибудь даст сказать?! – воскликнул Ник с отчаянием в голосе.

Он сам не ожидал, что его вдруг так прорвет.

Трое старших заговорили разом.

– Да кто ж тебе мешает, дорогой? – Миша.

– Совсем затюкали парня! – это Гоша.

– Тебе сейчас дадут в морду! – рявкнул Борис.

И наступила тишина.

Машина стояла на светофоре у Белорусского вокзала. Рядом ждал автобус, и скучающие пассажиры вдруг оживились. Они заметили Саленко и теперь показывали на него друг другу пальцами.

– Ну, говори, чего молчишь! – бросил Саленко и отвернулся.

Увидел то ли своих поклонников, то ли потенциальных доносчиков – и помахал им. Пассажиры достали смартфоны, чтобы запечатлеть такую диковину, как самый разыскиваемый человек в России, но тут Миша резко увел машину направо под зеленую «стрелку».

– Я рассчитывал поснимать в городе ночью и утром... – обескураженно пробормотал Ник. – У нас вылет за час до начала коронации, мы будем уже в Праге, когда церемония кончится.

– Нет, – сказал Саленко. – Они могут включить эту штуку раньше. Я бы запустил ее в полночь, но Серебров поставит на четыре утра. И будет прав.

– Мыльный пузы-ырь... – протянул Миша.

– Заткнись! Ник, прости нас. Все на взводе, если ты помнишь это выражение. Тебе надо отдохнуть, мы тебя сейчас положим спать...

– Я спал в самолете. Можно мне походить по городу хотя бы днем? – взмолился Ник.

– А если тебе череп проломят? Кто уже чуть не допрыгался в аэропорту?! Думаешь, только я тут хочу врезать по твоей пиндосской морде?!

Ник инстинктивно сжался, настолько ощутимо Саленко ударил его своей невидимой злобой.

– Боря, ну ты вообще... – протянул Миша осуждающе.

– Что – вообще? У парня на лбу написано: made in USA. А он еще и сам нарывается! Догадались, блин, кого прислать. И я тоже хорош гусь, не подумал. Надо было звать Бурлюка, он такой густопсовый, по нему ничего не видно...

– Зато у Бурлюка акцентов сразу два – нью-йоркский и одесский. Его не по морде будут бить, а по акценту! Потом, как ты себе представляешь – Серебров, а напротив Бурлюк? Роман Валерьевич зайдет в кабинет – и его вынесут. Он умрет со смеху.

– Ну, не знаю... Конечно, они не очень монтируются...

– Какой ты деликатный. А я скажу прямо – это будет даже не порнография. Это провокация. Нет, для Америки сойдет, они ко всему привычные и не поймут, в чем проблема. Но если дорогие мои москвичи, отсмотрев минуту прямого эфира с Бурлюком, пойдут жечь американское посольство, я не удивлюсь. У нас еще остались люди, для которых эстетика – не пустой звук!

– Вот видишь, как в Москве все сложно! – сообщил Саленко, повернувшись к Нику. Тот машинально от него отодвинулся, вжавшись в угол. – Кругом эстеты драные, царей себе навывдумывали, техника у них на грани фантастики, а я двадцать лет во всем этом по уши, каждый день, круглые сутки! И вдруг меня – вышвырнули. Сказали – пошел вон, Боря, ты не оправдал доверия! И сейчас у меня нет второго человека, которого пустят к Сереброву. Только тебе можно, тебя ФСБ одобрила. Если они до вечера не передумают... Не могу я рисковать твоей головой. Последнее интервью!

– Я с ним пойду по городу, – пообещал Гоша.

Саленко задумался.

– Он не будет приставать к людям.

– А что он будет?..

– Иди и смотри, – непонятно для Ника объяснил Гоша. – Это самое лучшее. Он отлично снимает с движения, я видел. По-хорошему, его надо просто застримить. У него же есть персональный канал. И пусть все смотрят, как живет Москва. Они же не знают, как тут у нас. Они видят нарезку. Не видят жизни.

– Дайте мне холодного пива, – сказал Саленко устало. – И делайте что хотите.

– Снова узнаю Борю, – сказал Миша.

Глобал Индепендент Ньюс Нетворк полностью отвечала своему названию. По внутреннему устройству – старая добрая телекомпания со всеми атрибутами, вроде редакции и корреспондентских пунктов. Всегда на грани рентабельности, потому что реально независимая; и всегда лучшая, потому что пестовала еще один атрибут прошлого – собственную журналистскую школу. В GINN растили свой персонал. Борис Саленко называл их метод «дрессировкой кошек»: редакция подсматривает за молодыми, замечает, к чему у них склонности, что у них получается хорошо, – и помогает развивать это. Недаром сам Борис с первых дней работы в GINN делал глупости, упорствовал в заблуждениях, превратил их в фирменный стиль и стал звездой. Причем единственной в своем роде – подражать ему нет смысла, выйдет не более, чем пародия. И его пародировали но никогда не повторяли.

Саленко практически не делал стендапов. Более того, он всячески избегал «картинок» статичной камерой. Он почти всегда двигался, и камера шла с ним рядом или за ним и чуть выше – благо Гоша был здоровенный. Так нельзя делать сюжеты, зритель быстро устает их смотреть из-за ощущения, что его тащат на коротком поводке; это ведь не компьютерная игра от первого лица, где ты сам управляешь героем. Тут управляют тобой, и это утомительно, а некоторых просто бесит. Но Саленко умудрялся снимать так живо и интересно, что его – захлеб смотрели и просили еще. Правда, места для второго Бóриса на GINN не осталось.

Сегодня его роль временно взял на себя Ник.

Как выразился Гоша, «творчески ее переработав».

Он просто шел и смотрел, никак не комментируя увиденное.

Съемка в движении требует особой выучки, если у тебя вместо объектива – глаза. Нужен «поставленный» шаг, чтобы кадр не прыгал. Коррекция изображения способна полностью сгладить это, но видео получится чуть-чуть искусственным, на той грани, когда человек умом не понимает, в чем проблема, но подсудно чувствует, что его где-то обманывают. Реакцией на обман будет бессознательное отторжение материала, а все неосознаваемое – очень сильное. Проще научиться правильно ходить, чем столкнуться с тем, что люди тебя не любят и сами удивляются, с чего бы. Какой-то ты, значит, противный. Это уже приговор на всю жизнь.

Ник очень старался, но через час понял, что, во-первых, неадекватно устал, а во-вторых, упускает нечто главное, общее, заостряя внимание на частностях. У него буквально разбежались глаза, он цеплялся взглядом за улыбки, смех, рукопожатия, поцелуи... А еще никогда и нигде он не видел столько элегантных людей и гонялся за ними по отдельности, когда надо было хватать картину в целом и копать глубже. Ему нужна была душа города.

По счастью, рядом был Гоша со стабилизированными камерами, способными держаться ровно едва ли не на бегу. Немного смущаясь, Ник попросил его взять работу оператора на себя. Гоша хихикнул и сказал: «А я говорил!»

И почти сразу Ник кое-что понял.

Много раз он слышал, будто Москва подавляет, навязывает свой темп и отталкивает равнодушием. Это оказалось совсем не так. Необъяснимое впечатление, что Москва – город добрый, только окрепло, пока он бродил с Гошей по историческому центру. Здесь столичный лоск существовал рука об руку с домашним уютом, гламур – с чувством собственного достоинства, быстрый темп жизни – с глубоким спокойствием. Город дышал силой, уверенностью и... свободой. В старой имперской столице вольно дышалось. Знаменитые сталинские высотки были, конечно, тяжеловесны, но так вписывались в пейзаж, что совсем не давили на психику.

– Хочу что-нибудь тоталитарное, – сказал Ник.

– Поехали на смóтру, – не раздумывая, предложил Гоша.

И привез Ника на смотровую площадку у здания МГУ.

– Будь я проклят, – только и сказал Ник. – Хорошо-то как!

– Это не лучший в мире университет, – извиняющимся тоном сообщил Гоша.

– Зато самый красивый, – твердо ответил Ник.

К вечеру он совершенно загонял Гошу, зато персональный канал Ника буквально ломился от лайков и недоуменных комментов вроде «как-то не похоже, что эти ребята хотят развязать войну» со стабильным ответом «это ты еще их короля не видел, он ваще пупсик». Интервью с «королем» поднялось в топ ожиданий, и генеральный продюсер GINN написал Никку «так держать», что считалось в офисе наивысшим одобрением.

Сам Ник был грустен и задумчив.

– Что с тобой? – спросил Гоша.

– Люди, – ответил Ник.

– Не понял.

– Сам не понял.

Люди здесь были странные, и еще – странно привлекательные. Красивые, но это ясно, ведь столица поколение за поколением привлекает самых ярких женщин и мужчин со всей страны. Прекрасно одетые, но об этом феномене Ник был наслышан и готов к нему. Неулыбчивые, даже хмурые – он и про это заранее разузнал, и ему сейчас было неуютно от мысли, что вряд ли удастся передать, какая бездонная глубина может скрываться под маской выученного спокойствия. Он словно предавал этих людей или подставлял, не умея показать ту абсолютную внутреннюю свободу русских, о которой как бы в шутку говорил утром Миша, – а это оказалась правда.

Ощущение легкости и свободы в тяжеловесный каменный городской центр приносили с собой именно люди. Они были этим пропитаны. Ник понимал, что он сейчас приподнял только самый краешек завесы, окутавшей тайну русской души, и очень боялся делать поспешные выводы.

Но очень хотелось.

В конце концов, наблюдательность – его профессия.

Ник уже забыл, что думал о русских утром, как боялся их и одновременно жалел. Он заметил, что из города совсем не видно башен «Щита», и это наверняка влияет на его оценку ситуации, но сами-то русские о башнях помнили, называли «башнями ПБЗ» – Гоша объяснил, какой тут хитрый двойной смысл, – и едко шутили на их счет. История прихода к власти «хунты» выворачивалась наизнанку, иначе виделся демонический и трагический персонаж Серебров, которого уж как-то слишком хорошо знал не только Саленко, но и его оператор... Ключом к тайне была все та же внутренняя свобода каждого русского, взятого по отдельности.

Они носят ее в себе, она у них просто есть от рождения.

Если как следует задуматься об этом, можно было испугаться всерьез.

Если нация с такими задатками решила отгородиться от мира стеной, которую пробьет только баллистическая ракета, – примем на веру, будто «Щит» только стена, – возможно, мир очень и очень нездоров.

Ник быстро и невнятно выпалил все это Гоше и спросил:

– Как ты думаешь, а что будет, если я попробую как-то... хотя бы намеком... в двух словах...

– Сказать?! Это оценочное суждение, ты вылетишь из GINN, как джинн из бутылки, хе-хе.

– А если это важно? А я промолчу? А потом окажется, что я сегодня на самом деле беру последнее интервью и завтра война? Пусть я ничего не смог изменить, но я промолчал!

Гоша на всякий случай Ника обнюхал, чтобы убедиться: не пил.

Между прочим, дело было к вечеру, а город все еще не проявлял тенденции надраться в хлам.

– Поговори с Борей, – сказал Гоша. – Он сейчас не в форме... Но все равно умный.

Они нашли Саленко там же, где его оставили, – в уличном кафе на Новом Арбате. Похоже, он так и проторчал тут весь день. Самый разыскиваемый человек в России был то ли на удивление трезв, то ли до такого изумления пьян, когда уже все равно что трезвый. Сидел он в окружении известных московских журналистов – минимум двоих Ник легко узнал – и непринужденно болтал с ними.

Посмотрев на Саленко более внимательно, Ник подумал, что говорить с ним о серьезных материях или уже поздно, или пока рано. И решил, что сам разберется. Не маленький уже, вообще-то. Пора за себя отвечать.

За столиком поблизости Миша Клименко сосредоточенно тыкал всеми десятью пальцами в планшет, а рядом скучали над едва начатым пивом двое мужчин такого откровенно кагэбэшного вида, что Ник окончательно потерял всякую надежду понять, кто в этой стране

разыскивает Ббриса, а главное, зачем. Но зато и беспокоиться перестал тоже. Ему просто надоело.

– Меня всегда поражало, – вещал тем временем Саленко, – как уныло и неаутентично в России ставили «Пир во время чумы». Пушкин ведь дает однозначную трактовку: улица, накрытый стол, несколько пирующих мужчин и женщин. Теперь смотрите: вот улица, вот стол, не хватает только прекрасных дам, но это поправимо... Что мы делаем? Правильно! Ваше здоровье... Итак, что там с героями? Да они пьяны вдребезги! У них языки заплетаются! «Спой нам, Мэри, уныло и протяжно, – говорит председатель, – немного погрустим, ну, просто чтобы не забывать, где мы и что мы, а дальше снова оторвемся!» И я даже верю, что сначала Мэри поет одна, но потом они не выдерживают и начинают орать хором, да еще и под гармошку! Вот как правильно! Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!.. И если бы хоть у кого-то в этом замечательном, но неисправимо провинциальном городе была в крови пара капель живого эстетического чувства, он бы сегодня сорвал банк и остался навсегда в истории, поставив «Пир во время чумы» так, как надо!

– Вот это наш Боря, – сказал Миша, поднимая глаза на Ника. – Боря, каков он есть. Вольный российский эстет, блин. Ты готов?..

– Я только ему скажу, чтобы собирался.

– Куда? – удивился Миша.

– В аэропорт. У меня есть некоторый опыт экстрадиции, и я знаю, что Ббриса не смогут просто взять и посадить в самолет, как обещали полисмены. Нужно время на оформление документов. Вы сделаете так, чтобы его отвезли?

Миша хмыкнул. Почесал в затылке. Поглядел на Ника задумчиво. Потом мягко улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.